С. БЕРДЯЕВЪ

ЧЕЧНЯ И РАЗБОЙНИКЪ ЗЕЛИМХАНЪ

(Изъ далекихъ воспоминаній).

ПАРИЖЪ 1932

Tous droits réservés pour tous pays.
Copyright 1932 by the author.

Всѣ права сохранены за авторомъ.

Посвящаю моему другу

Генералу Л. Бичерахову.

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ

Учитывая нервность русскаго эмигранта, не любящаго долговязыхъ повѣстей, я, дабы не нудить читателя, сжалъ свой скромный трудъ въ брошюру. Въ изложеніи этого моего воспоминанія я всемѣрно старался быть лаконичнымъ, избѣгая комментарій и фантастической окраски. Въ брошюрѣ этой я очерчиваю, повторяю, въ сжатомъ видѣ, бывшее административное устройство, природу, бытъ, нравы, характеръ, исторію, экономическое положеніе и проч. Чечни и, въ связи съ этимъ, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, описываю злодѣянія нашумѣвшаго въ свое время «легендарнаго» разбойника Зелимхана. Въ краткомъ описаніи фактовъ я представляю этого разбойника читателю въ томъ, именно, натуральномъ видѣ отвратительнаго уголовнаго, и только уголовнаго, преступника, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, читатели, представлявшіе себѣ Чечню грубымъ, дикимъ и вѣроломнымъ племенемъ, а въ Зелимханѣ искавшіе какого-то національнаго героя, выдвигавшаго на пути своемъ «высокіе идеалы», какъ объ этомъ кричали впадавшіе въ иллюзію, по прочтеніи этой брошюры, разочаруются.

Авторъ.

Чечня и разбойникъ Зелимханъ

Областная власть.

По окончаніи руско-японской войны, часть, въ которой я состоялъ, была расформирована, и я Главнымъ Штабомъ былъ командированъ въ распоряженіе временнаго генерал-губернатора Терской области генералъ-лейтенанта Колюбакина, приказомъ котораго, въ мартѣ 1907 г. былъ назначенъ начальникомъ участка, Веденскаго округа, къ чеченцамъ. Хочу вкратцѣ ознакомить читателя съ Веденскимъ округомъ и конструкціей бывшей власти Терской области. Область эта представляла изъ себя часть Сѣвернаго Кавказа и въ административномъ отношеніи дѣлилась на отдѣлы и округа. Въ составъ отдѣловъ входили казачьи станицы съ иногороднимъ приростомъ — ихъ было четыре: Кизлярскій отдѣлъ, Сунженскій, Пятигорскій и Моздокскій. Въ составъ округовъ входили туземные аулы. Округовъ было шесть: Владикавказскій (осетины), Грозненскій и Веденскій (чеченцы), Нальчикскій (адыгейцы и балкарцы), Назрановскій (ингуши) и Хасавъ-Юртовскій (кумыки и чеченцы). Отдѣлы возглавлялись атаманами отдѣловъ, а округа начальниками округовъ. По т. II Общ. Учр. Губерн. они пользовались правами исправника и

помимо того права ихъ повременными положеніями были нѣсколько расширены.

Такъ какъ Терская область подчинялась лишь военному министру, то начальникъ области, атаманы отдѣловъ и начальники округовъ назначались исключительно изъ военныхъ чиновъ. Знаніе законовъ и примѣненіе ихъ, понятіе о народѣ, наличіе нравственныхъ качествъ и степень интеллектуальнаго міросозерцанія для занятія этихъ должностей было тогда неважно, а важно было, чтобы начальникъ области былъ въ генеральскомъ чинѣ, а атаманы отдѣловъ и начальники округовъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ.

Бывшій въ 1890 г. начальникомъ области, генералъ Кахановъ часто говорилъ, что для управленія народомъ не мозги нужны, а погоны. Такимъ образомъ, правитель пестроты народовъ области именовался начальникомъ области и наказнымъ атаманомъ Терскаго казачьяго войска; когда же область объявлялась на военномъ положеніи, что бывало съ небольшими перерывами, то онъ именовался временнымъ генералъ-губернаторомъ Терской области и командующимъ войсками. Судьбы народовъ рѣшались въ областномъ правленіи. Учрежденіе это было коллегіальное и въ своихъ рѣшеніяхъ было почти автономнымъ. Жалобы на постановленія областного правленія приносились лишь въ Сенатъ, по департаменту общихъ дѣлъ, а такъ какъ Сенатъ дѣла по существу не разсматривалъ, мѣстныя условія жизни во вниманіе не принималъ, а обозрѣвалъ жалобы лишь съ формальной стороны, то таковыя оставались при «пиковыхъ интересахъ».

Отдѣлы и округа подраздѣлялись на участки. На-

чальникъ участка представлялъ изъ себя совокупность станового пристава и земскаго начальника, засѣдая въ качествѣ предсѣдателя въ, такъ называемомъ, участковомъ горскомъ словесномъ судѣ. (Въ послѣднее время суды эти были только при округахъ).

Суды эти не были предусмотрѣны имперскимъ кодексомъ. Это — затѣя областного правленія санкціонированная Намѣстникомъ Кавказскимъ. Туземцы Терской области, кромѣ осетинъ, за преступленія, предусмотрѣнныя Уст. о наказ., налагаемыхъ миров. судьями, а также и за рядъ преступленій, влекущихъ за собою отвѣтственность по Уложенію о Наказаніяхъ Уголовн. и Исправительныхъ, не были подсудны мировымъ и окружнымъ судамъ, а судились въ горскихъ судахъ въ составѣ двухъ депутатовъ отъ населенія и окружного кадія (толкователь корана) подъ предсѣдательствомъ помощника начальника округа или одного изъ начальниковъ участковъ. Въ станицахъ административную единицу представлялъ изъ себя атаманъ станицы, а въ аулахъ аульный старшина, и тотъ и другой, по выборамъ общественныхъ сборовъ и сходовъ, но генералъ-губернатору было предоставлено право, въ видѣ наказанія, назначать станичныхъ атамановъ и аульныхъ старшинъ «въ провинившіяся» станицы и аулы, игнорируя народные выборы.

Въ дѣлахъ внутренняго распорядка станицы управлялись особымъ станичнымъ положеніемъ (Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ, 3 іюня 1891 г.), а аулы особымъ аульнымъ положеніемъ, изданнымъ Главноначальствующимъ Гражданской частью на Кавказѣ, княземъ Дондуковымъ-Карсаковымъ.

«Ѣзжайте, — сказалъ свирѣпый генералъ Колюбакинъ, управляйте чеченцами и ликвидируйте Зелимхана».

Чечня. Въ представленіи петербуржца и вообще россіянина, чеченецъ былъ синонимомъ грабежей, разбоевъ и безшабашныхъ убійствъ.

Въ Петербургѣ мнѣ приходилось бесѣдовать о кавказскихъ народностяхъ, и я убѣдился въ томъ, что даже лица, занимавшія видныя положенія, не имѣли понятія объ этнографіи Кавказа, подводя подъ одно наименованіе всѣ племена Кавказа: «черкесъ».

Я, какъ коренной кавказецъ, хорошо знавшій племенной составъ кавказскаго калейдоскопа, убѣждалъ моихъ пріятныхъ собесѣдниковъ въ томъ, что всѣ сѣверо-кавказскія племена говорятъ на различныхъ языкахъ, что у нихъ нѣтъ одного общаго языка, что каждое племя имѣетъ свое историческое прошлое, свою культуру и обычаи и что между нѣкоторыми племенами существуетъ даже и антагонизмъ.

Психологію чеченскаго народа, его глубокій нравъ и бытовую сторону, какъ равно его историческое прошлое, признаюсь, до службы моей среди этого народа, я зналъ поверхностно, почему и не могъ дать точной характеристики объ этомъ народѣ, но теперь скажемъ объ немъ здѣсь, совершенно безпристрастно.

Въ началѣ апрѣля 1907 г. я выѣхалъ изъ Владикавказа въ укрѣпленіе Ведено, гдѣ была резиденція начальника округа. Живописная природа Веденскаго округа окончательно меня обворожила. Этотъ красивый видъ на андійскія снѣговыя горы (Дагестанск. обл.), эти извилистыя узкія дороги по кавказскимъ гордынямъ, неиз-

вѣстно къ какимъ пропастямъ ведущія, эта разновидность вѣковыхъ дебрей, эти горныя змiеобразныя шумливыя рѣчушки, неимѣющія даже, въ большинствѣ, названій, съ безчисленнымъ множествомъ водопадовъ, эти темныя ущелья, огражденныя съ обѣихъ сторонъ подоблачными высотами, поросшими альпійской растительностью, эти нависшія надъ опасной дорогой скалы «пронеси, Аллахъ», приводили въ неизмѣримый восторгъ самаго бывалаго и рѣдкаго туриста.

«... Его красамъ, пугаяся, дивятся взоры,
На горы каменныя тамъ
Поверглись каменныя горы,
Синѣя всходятъ до небесъ
Ихъ своенравныя громады,
На нихъ шумитъ сосновый лѣсъ,
Съ нихъ бурно льются водопады».

Н. Баратынскій.

Далѣе, въ сторону Дагестанской области — живописная перевальная дорога черезъ Керкетскій перевалъ, ведущая черезъ урочище Ботлихъ (Дагестанъ) въ подножьяхъ снѣговыхъ горъ, въ гор. Тифлисъ. Недалеко отъ перевала игривая природа на высотѣ 2700 фут., надъ уровнемъ моря, дала большое озеро «Эйзенамъ», изобилующее форелью.

Въ 7-ми верстахъ отъ укрѣп. Ведено въ красивомъ ущельи хаотически разбросанъ аулъ Хорочой, гдѣ неподалеку отъ небольшой мечети стоитъ необитаемая убогая сакля старика, Гушмазако (отецъ Зелимхана).

Обозрѣвъ эту мощную, неописуемую красоту природы Веденскаго округа, и, побывавъ на бывшихъ стратегическихъ базахъ Имама Шамиля, находившихся на

скалистыхъ высотахъ, доступныхъ подоблачнымъ орламъ, я пересталъ удивляться, что Россія съ горстью чеченцевъ и дагестанцевъ воевала въ продолженіи 50 лѣтъ.

Я никакъ, однако, не могъ согласиться съ тѣмъ, чтобы величественная красота природы сочеталась съ варварствомъ. Мнѣ хотѣлось вѣрить въ то, что приписываемая чеченцамъ поголовная преступность тенденціознаго характера. Вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, я сталъ интенсивно изучать характеръ и психологію этого народа, его историческое прошлое и причины возникновенія абречества (разбойничества).

Итакъ, выдѣливъ изъ лингвистической классификаціи народовъ Кавказа чеченцевъ, оказалось, что чеченцы происходятъ отъ арабовъ изъ племени «Нохчи».

У арабовъ это племя считалось воинственнымъ, и они еще до Рождества Христова образовали изъ Нохчи пограничную линію во время войнъ съ персами и, главнымъ образомъ, колхидами (грузины). Съ теченіемъ времени текущія историческія событія отбросили нохчи на Кавказскій перешеекъ, а потомъ и на Сѣверный Кавказъ, т. е. на сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, такъ что Кавказъ является истинною колыбелью чеченскаго народа. На описанныя горныя высоты чеченцы пришли, какъ къ природной скалистой защитѣ своихъ свободъ отъ народовъ, стремившихся къ порабощенію ихъ.

Исторія кавказскихъ народовъ, говоритъ, что еще въ V вѣкѣ по Р. Х. во времена владычества сосанидовъ (персы), нохчи дрались съ персами, а потомъ, въ XIII вѣкѣ, они, въ объединительномъ движеніи кавказскихъ племенъ мужественно отбивались отъ полчищъ Чингизъ-

Хана, нанося потрясающія пораженія монголамъ. Вотъ почему чеченскій народъ является «аборигеномъ кавказскаго монолита» и народомъ съ интереснымъ историческимъ прошлымъ.

Чеченцы болѣе свободолюбивое, болѣе героическорыцарское, вѣками демократизированное племя, чѣмъ другія племена Кавказа.

Объясняется это тѣмъ, отчасти, что у всѣхъ народовъ Кавказа есть сословное дѣленіе (князья, алдары, таубіи, уздени и холопы), основанное издревле на принципѣ права сильнаго и подхалимствѣ слабаго. У чеченцевъ нѣтъ сословій.

Чеченецъ говоритъ: «У насъ нѣтъ князей, нѣтъ и холоповъ». Войдя въ глубину современнаго бытія этого народа, я нашелъ, что чеченецъ любитъ свои красивые утонченные обычаи — почитаніе сѣдины и вообще старшаго въ лѣтахъ, джентльменство къ женщинѣ и защита ее оружіемъ, предупредительно вѣжливыя взаимоотношенія и снисходительность къ слабѣйшему. Невѣроятное гостепріимство (чеченцы говорятъ: «гость есть посланникъ Аллаха»).

Углубляясь въ исторію движенія кавказскихъ народовъ и происшедшихъ войнъ, какъ до Р. Х., такъ и послѣ, мы видимъ, что чеченцы никогда, въ цѣляхъ-ли территоріальныхъ захватовъ, въ цѣляхъ ли порабощенія той или иной народности, во имя своего милитаризма, войнъ не вели; они лишь мужественно защищались, отстаивая свои суверенныя права.

И, дѣйствительно, въ теченіе 3-хъ лѣтняго моего управленія частью чеченскаго народа, я нашелъ, что народъ этотъ очень мирный, терпѣливый и неприхотливый. Онъ даже имѣетъ большое тяготѣніе къ торговлѣ.

Въ обоихъ чеченскихъ округахъ вся торговля находилась въ рукахъ самихъ чеченцевъ — они не дали въ руки евреевъ, армянъ, грековъ и персовъ, какъ это наблюдалось па всемъ Кавказѣ.

Среди чеченцевъ въ послѣднее время даже появились гильдейскіе купцы, имѣвшіе дѣла съ Москвой, Лодзью, Варшавой, Сибирью и даже съ Германіей и Персіей.

Земля и права

Со времени покоренія Россіей «непокорныхъ горцевъ», Чечня очутилась запертой въ горныхъ тѣснинахъ, испытывая невыносимое малоземелье, такъ какъ лучшія степныя земли отошли въ пользованіе русскихъ поселенцевъ, переименованныхъ въ казаки войска терскаго княземъ Борятинскимъ и генераломъ Ермоловымъ.

Малоземелье въ Горной Чечнѣ, со степенью нарождаемости, дошло до того, что кукуруза (единств. хлѣбный злакъ)засѣвалась въ лѣсу на, такъ называемыхъ, трудовыхъ полянахъ. Чеченская семья самочинно вырубала украдкой вѣковые чинары, выкорчевывала корни и послѣ обработки этой полянки засѣвали ее кукурузой.

Впослѣдствіи семья эта платила единовременный штрафъ и потомъ ежегодный поземельный налогъ въ пользу казны, т. к. всѣ горные лѣса принадлежали государству.

Ужасная бѣднота горной Чечни и способы борьбы съ тяжелыми условіями жизни въ добываніи пропитанія, сжали бы въ комокъ самое зачерствѣлое сердце. По отвѣсной скалистой крутизнѣ несчастный истинный сынъ

сѣдого Кавказа гналъ захудалаго осла, навьюченнаго двумя маленькими мѣшечками съ кукурузой внизъ къ рѣчкѣ, на протяженіи 10-15 верстъ по извилистой козьей дорожкѣ, для помола на муку на какой то допотопной мельницѣ и, теряя на это почти цѣлый день, голодный и усталый возвращался къ семьѣ, чтобы накормить голодныхъ, босоногихъ и полунагихъ дѣтей.

Съ такими же затрудненіями доставлялась на вьюкѣ изъ той же рѣчки и вода.

Какъ то невольно, глядя на этотъ, свыкшійся съ нуждой, народъ, не предъявлявшій ни къ кому правъ человѣка, приходилось думать, что народъ этотъ забытъ и Богомъ, и людьми.

«... Я сынъ Дигоріи далекой,
Гдѣ въ мертвомъ морѣ сѣрыхъ скалъ
Глядитъ на міръ Казбекъ высокій.
Гдѣ въ безднѣ мрачной, какъ змія,
Віясь шипитъ Урухъ сердитый,
И гдѣ протестъ въ груди тая,
Дигорецъ трудится забитый.
Отца не зналъ я никогда —
Его ребенкомъ я лишился.
Мнѣ говорятъ, что разъ дрова онъ везъ
И въ бездну провалился.
Да и мать недолго прожила —
Она въ Урухѣ утопилась;
Ее измучила нужда,
Хотя какъ волъ она трудилась.
Я помню этотъ страшный день, —
Два дня мы съ нею голодали;
У насъ ужъ кончился ячмень,

А сосѣди... сосѣди тоже доѣдали.
Я помню этотъ страшный день,
Когда мнѣ мать безъ слезъ,
Угрюмо прошептала:
«Сынъ, къ чему страдать?
Къ чему страдать, насъ Богъ забылъ,
Насъ Богъ забылъ, какъ пахарь полосу на полѣ.
Идемъ! Въ Урухѣ зломъ
На днѣ его, какъ ледъ холодномъ,
Пріютъ послѣдній мы себѣ найдемъ!
Онъ не откажетъ въ немъ голоднымъ...»
И мы пошли...

. . . . . .

Урухъ, Урухъ! Не мало ты принялъ
На лонѣ водъ своихъ холодныхъ
Убогихъ, сирыхъ и голодныхъ!
О, будь ты проклятъ, бѣлый свѣтъ!
Гдѣ въ жизни лишь одни страданья,

. . . . . .

Гдѣ мрутъ въ пучинѣ хладныхъ водъ
Всѣ наши цѣли и упованья!

(Отрывокъ изъ поэмы «Голодные» кавказскаго поэта Георгія Цаголова).

И дѣйствительно, этотъ народъ тоже былъ забытъ. Никто о судьбѣ его не думалъ—не хотѣлъ думать. Когда же онъ выявлялъ свои желанія къ путямъ общеимперской чести, то, разумѣется, получалъ неблагопріятные отвѣты. Чеченцы, напримѣръ, неоднократно возбуждали ходатайства о скомплектованіи изъ нихъ кавалерійскихъ частей на общемъ основаніи Устава о воинск. повин., по примѣру осетинскаго регулярнаго коннаго

дивизіона или же иррегулярнаго полка Дагестанскаго народа, съ сохраненіемъ, конечно, національнаго костюма и каждый разъ получали отказъ. Правительство наивно истолковывало такое желаніе чеченскаго народа стремленіемъ Чечни къ изгнанію казаковъ изъ отнятыхъ у нихъ земель. Однако, до Царя эти ходатайства не доходили. Населеніе Чечни достигало 400 тысячъ душъ обоего пола и что же? О, ужасъ! ни въ одномъ аулѣ ни одной школы и ни одного медицинскаго фельдшера! Единственная звѣзда просвѣщенія чеченскаго народа была начальная горская школа въ гор. Грозномъ на 30-40 интернатовъ, открытая хлопотами генерала Орцу Чермоева (чеченца) и такая же школа впослѣдствіи была сооружена въ Укр. Ведено въ 1908 г. стараніями начальника округа Галаева.

Не разъ я задавалъ себѣ вопросъ: «Такъ что же, въ концѣ концовъ, дало правительство этому «покоренному» народу, хотя бы въ возмѣщеніе отнятыхъ у него пахотныхъ, роскошныхъ сѣнокосныхъ, пастбищныхъ и нефтеносныхъ земель?»

Какія, наконецъ, права состоянія сообщены этому народу? Чеченцы были, какъ будто, податного состоянія, наравнѣ съ крестьянами Россіи, но правами крестьянина не пользовались. Въ Россіи даже губернатору не было предоставлено права наложенія на крестьянина наказанія въ административномъ порядкѣ, а въ Терской обл. таковымъ правомъ надъ туземцами пользовался даже начальникъ участка.

Впереди я сказалъ, что народъ этотъ былъ забытъ. Забытъ, «какъ полоса на полѣ». Онъ, дѣйствительно, былъ забытъ даже тѣми начальниками, которымъ за-

конъ вмѣнялъ въ обязанность «объѣзжать свой округъ (уѣздъ) не менѣе одного раза въ годъ». За мою 3-хъ лѣтнюю службу въ горной Чечнѣ перемѣнилось пять начальниковъ округа и ни одинъ изъ нихъ не побывалъ въ моемъ раіонѣ, а начальника области не видѣли со времени покоренія Кавказа.

Теперь легко судить — какое представленіе они имѣли о томъ народѣ, которымъ, по волѣ судьбы и Царскому указу, они управляли.

Первая школа и ея судьба

Полнѣйшее отсутствіе въ участкѣ школъ и ярко выраженное желаніе чеченцевъ учить своихъ дѣтей, заставили меня въ теченіе двухъ лѣтъ просить начальство объ открытіи хотя бы одной начальной школы, но мнѣ или не отвѣчали на мои «назойливые» рапорта или называли меня слишкомъ энергичнымъ начальникомъ, рекомендуя поумѣрить служебный пылъ. Наконецъ, воспользовавшись имѣвшимся при моей ставкѣ (аулъ Саясанъ) свободнымъ помѣщеніемъ (бывшая казарма), наличіемъ небольшихъ экономическихъ денежныхъ средствъ, а главное, долговременнымъ пребываніемъ у меня въ гостяхъ моего друга, студента петербургскаго университета Елекоева (въ данное время въ эмиграціи. Парижъ), рѣшилъ открыть начальную школу въ 1909 году.

Елекоевъ любезно предложилъ, безвозмездно свой трудъ. Быстро подремонтировалъ помѣщеніе, населеніе откликнулось и оборудовало парты, были пріобрѣтены учебныя пособія, и въ день, объявленный для пріема учениковъ — на 40 мѣстъ, явилось 120 желающихъ учиться; какъ разъ вразрѣзъ Высочайшимъ отчетамъ

начальниковъ Терской области о нежеланіи, яко бы, чеченцевъ учить своихъ дѣтей русской грамотѣ.

Во дворѣ моей ставки чуть было не до драки дошло между родителями, т. к. каждый хотѣлъ занять мѣсто въ школѣ. По просьбѣ Елекоева пришлось вмѣшаться мнѣ, успокоить родителей и плачущихъ дѣтей, оставшихся за стѣнами школы и принять дѣтей по жребію, пообѣщавъ съ будущаго года открыть еще одну школу. Занятія начались. Дѣти-чеченцы проявили удивительныя способности въ воспринятіи русской грамоты и языка. Мѣстный мулла (вѣроучитель) Муссахаджіевъ преподавалъ дѣтямъ коранъ, имѣя на это два часа въ недѣлю. Чеченцы были весьма довольны и надѣялись на дальнѣйшее развитіе школъ въ участкѣ (участокъ мой состоялъ изъ 47 мелкихъ ауловъ, входившихъ въ составъ 16 сельскихъ обществъ).

Старики мнѣ говорили, что если бы 50 лѣтъ тому назадъ правительствомъ были открыты въ Чечнѣ школы, да гимназіи, то они не были бы дикарями и у нихъ не было бы Зелимхановъ. Съ этой истиной отъ истинъ я не могъ не согласиться.

Но вдругъ, неожиданно для меня, я получилъ отъ начальника Веденскаго округа полковника Макарова «срочное» предписаніе о немедленномъ закрытіи этой школы, какъ не санкціонированной директоромъ народныхъ училищъ. Школу я не закрылъ, а поѣхалъ къ начальнику округа для надлежащихъ съ нимъ объясненій. Всѣ мои доводы, указывавшіе на необходимость этой и вообще школъ, а также и тѣ данныя, что на школу нѣтъ никакихъ затратъ отъ казны и таковая является пробной, какъ бы зондирующей, оказались для Макарова не

убѣдительными. Вооружившись этой же аргументаціей, я поѣхалъ во Владикавказъ къ директору народныхъ училищъ. Послѣ продолжительной горячей бесѣды, я все же санкціи не получилъ, «въ виду затруднительности въ поѣздкахъ директора и раіоннаго инспектора въ горную Чечню на ревизію одной школы», а когда я сказалъ: «тогда откройте ихъ 50», то получилъ отвѣтъ, что министерствомъ на Чечню средства не отпускаются. Несмотря на всякія угрозы Макарова, я тѣмъ не менѣе, школу эту не закрылъ и довелъ занятія до каникулярнаго времени, но, конечно, послѣ моего перевода изъ этого участка въ казачій участокъ, школа эта реставрирована не была.

Преступность

Теперь скажемъ о преступности и преступникахъ. Казалось бы, что въ силу заброшенности чеченцевъ, въ силу земельной стѣснительности, въ силу тяжелыхъ географическихъ условій, создавшихъ для чеченца невыносимые способы добыванія пропитанія и пропитанія скуднаго (кукурузный чурекъ и сыворотка — повседневная его пища), изъ чеченца долженъ бы выработаться завзятый преступникъ разныхъ формацій, и преступность должна была быть массовой и дойти до степени высшаго напряженія, но, однако, этого не было. Я очень интересовался и этой стороной. Сопоставлялъ съ статистическими данными россійской криминальной преступности и нашелъ, что преступность въ Терской области со стороны чеченцевъ равнялась 3,5%, конечно, пропорціонально населенію. Мнѣ приходилось навѣщать тюрьмы Терской области и я обнаружилъ, что

чеченцевъ было всего 4% изъ общаго числа арестантовъ разныхъ національностей. По статистикѣ 1911 г. въ Ставропольской губернской тюрьмѣ разновременно уголовныхъ арестантовъ было 2336 человѣкъ, изъ коихъ 2011 чисто русскихъ людей, а остальные 325 разныхъ національностей. Въ томъ же году Терская областная тюрьма содержала 2840 арестантовъ, изъ коихъ чеченцевъ всего лишь 50 человѣкъ.

Характеръ преступленій чеченцевъ далеко разнится отъ преступленій россійскихъ или американскихъ преступниковъ. Здѣсь нѣтъ карманщиковъ, взломщиковъ, подкопщиковъ, «вагонныхъ спеціалистовъ», «паспортистовъ», фальшивомонетчиковъ, «вексельщиковъ», «банковскихъ вороновъ» и проч., и проч.

Чеченская преступность почти однообразная, исходящая изъ чисто національныхъ міровоззрѣній, національнаго, я бы сказалъ, быта. Именно — на почвѣ кровавой мести, на почвѣ похищенія дѣвицы съ цѣлью брака, ревности, защиты женской чести, личнаго оскорбленія словами или дѣйствіемъ (послѣднее очень мало). Преступленія же выходящія за предѣлы быта, были, но не имѣли систематичнаго характера. Самовольная порубка казеннаго лѣса, скотокрадство и конокрадство. Грабежами же занимались абреки. Что же значитъ абрекъ? Абрекъ есть преступникъ, совершившій преступленіе, противное законамъ Россіи, скрывающійся отъ правосудія, совершающій дальнѣйшія злодѣянія, какъ разбойникъ, и объявленный властью внѣ закона. Чеченскіе абреки были всѣ одной категоріи. Убійцы на почвѣ защиты оскорбленнаго самолюбія, защиты женской чести и въ большинствѣ случаевъ въ состояніи афекта. Слѣдственными матеріалами установлено, что чеченскіе

абреки не только по натурѣ, но и наслѣдственно, преступниками не были; не было уклона въ сторону преступности и по религіозно-гражданскому воспитанію, и первые шаги злодѣянія исходили отнюдь не изъ корыстныхъ цѣлей, а, повторяю, на почвѣ защиты своего человѣческаго права. Я сказалъ о религіозно-гражданскомъ воспитаніи.

Въ незапамятныя времена, какъ объ этомъ гласятъ преданія и легенды, Чечня управлялась оллигархіей. Законы, карающіе преступниковъ, были очень суровы. За непослушаніе, оказанное старшему, бросали въ глубокую яму на холодные камни отъ трехъ до семи сутокъ, за простую кражу тоже самое отъ 20 до 40 сутокъ, со связанными руками и ногами, за повторную кражу виновному отрубали руку, потомъ при повтореніи, ногу, другую руку.

Имамъ Шамиль также дѣйствовалъ по шаріату.

Надо замѣтить, что во время могущества Шамиля, абречества не было и таковое, какъ мною усмотрѣно изъ Высочайшихъ отчетовъ начальника области, относится къ 80-мъ годамъ. Я назову ихъ имена: Геха, Джаватханъ, Османъ, Джабраилъ, Зелимханъ изъ аула Гельдыгенъ (это не тотъ, о которомъ нашумѣли), Аюбъ, Яхья Байгиреевъ, Эскерханъ, Бойцу, Барганай, Зелимханъ Хорочоевскій, его отецъ Гушмазако и братъ Солтамурадъ. Всѣ эти абреки, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ, оперировали по 2-3 года и были разновременно ликвидированы спеціальными воинскими командами, при помощи, конечно, самихъ чеченцевъ.

Такъ какъ, ни одинъ изъ нихъ не проявилъ ничего сенсаціоннаго, то распространяться объ нихъ не буду.

Зелимханъ и способы борьбы противъ него.

Горъ житель отважный, въ безумьи своемъ,
Разбоемъ себя утѣшаетъ;
И въ «вражьи» предѣлы съ мечемъ и огнемъ
Непрошеннымъ гостемъ въѣзжаетъ.
Онъ къ вольнымъ наѣздамъ привыкъ среди скалъ,
Въ разбояхъ лишь радость находитъ,
Безжалостно въ грудь онъ вонзаетъ кинжалъ
Иль въ плѣнъ онъ позорный уводитъ ...

Зелимханъ, который создалъ вокругъ своего имени такъ много шума, оперировалъ въ Терской области 12 лѣтъ. Такому продолжительному существованію этого разбойника и смѣлымъ его, по своей дерзости, преступленіямъ, благопріятствовали, какъ увидимъ дальше, главнымъ образомъ, топографическія условія Терской области, полная невозможность въ своевременномъ сообщеніи начальству о появленіи разбойника въ той или иной мѣстности, отсутствіе въ аулахъ государственной стражи и воинскихъ частей, со спеціальными заданіями, отсутствіе телефонной сѣти, абсолютная разоруженность чеченскаго народа, лишившая возможности ликвидировать арбека при удобномъ случаѣ, взаимное недовѣріе администраціи и населенія, неумѣлый подходъ административныхъ чиновъ къ народу, отсутствіе денежныхъ средствъ отъ казны, огульное обвиненіе высшимъ кавказскимъ начальствомъ всего народа и удары совершенно незаслужено, по карманамъ; карательныя экспедиціи, задѣвавшія самыя больныя мѣста этого чувствительнаго народа; не только несолидарная дѣятельность административныхъ должностныхъ лицъ, но существовавшія преступныя интриги, дискре-

дитировавшія ихъ же, какъ властей, на виду народа, въ явный ущербъ общему дѣлу и въ несомнѣнную выгоду Зелимхана и, наконецъ, говоря откровенно, бездарность властей, составлявшихъ центральный административный аппаратъ Сѣвернаго Кавказа.

О Зелимханѣ говорилось и писалось весьма много нелѣпостей и чины администраціи, во дворцѣ начальника области своими донесеніями сплели такую рутину, что сами впутывались въ нее. Газеты тоже не отставали въ фантастическихъ измышленіяхъ и, естественно, имя Зелимхана искусственно дѣлалось все болѣе и болѣе извѣстнымъ, фонды его поднимались, и онъ, конечно, больше окрылялся.

Помню, въ одной изъ выкрикивающихъ въ 1909 году статьѣ о Зелимханѣ, въ «Русскомъ Словѣ», какой то фантазеръ писалъ, что Зелимханъ — бывшій кавалерійскій офицеръ, что этотъ «рыцарь безъ страха и упрека» совершенно свободно разъѣзжаетъ по городамъ въ офицерскихъ погонахъ, бываетъ въ клубахъ и лучшихъ ресторонахъ и проч. Тогда же я возразилъ въ пространной статьѣ въ газетѣ «Терекъ».

Подъ впечатлѣніемъ такихъ диффирамбъ, у многихъ экспансивность воображеній доходила до того, что въ Зелимханѣ видѣли олицетвореніе Дубровскаго. До чего же доходили тогда сумасбродства? Какъ то я ѣхалъ въ поѣздѣ изъ гор. Грознаго до гор. Владикавказа. Занявъ мѣсто въ вагонѣ, принялся читать газету. На сосѣднемъ диванѣ сидѣла какая то полная дама, которая какимъ то вислоухимъ штатскимъ лицамъ убѣжденно разсказывала о своей встрѣчѣ съ Зелимханомъ въ Кисловодскомъ паркѣ на музыкѣ.

Дама эта восторгалась его наружной красотой и умомъ, при чемъ ее интервью привело ее къ неоспоримой мысли, что Зелимханъ тотъ, который на своемъ пути выдвигаетъ высокіе идеалы. Я предоставляю моему читателю выбрать одно изъ моихъ заключеній — или эта дама, по своей экспансивности, лгала, или ее легкомысліемъ воспользовался какой-то курортный фигляръ-шантажистъ.

Такъ вотъ истина о Зелимханѣ, любезный читатель, которую могутъ, отъ начала до конца, подтвердить многіе видные коренные представители Сѣвернаго Кавказа, находящіеся въ эмиграціи и хорошо освѣдомленные въ его дѣлахъ и его происхожденіи; знающіе его начало и конецъ.

Зелимханъ Гушмазакаевъ (чеченцы носили фамиліи по имени отца) родился и жилъ въ аулѣ Хорочой, о которомъ я уже упоминалъ выше. Отецъ его Гушмазако принадлежалъ къ тѣмъ самымъ бѣднымъ, несчастнымъ горскимъ чеченцамъ, которыхъ я описалъ уже. Зелимханъ, какъ и всѣ горскіе чеченцы того времени, нигдѣ не учился и русскій языкъ для него былъ чуждъ. Онъ даже, въ силу своей бѣдности, не учился и арабской грамотѣ въ тѣхъ мектебахъ, которые были при мечетяхъ въ каждомъ аулѣ. Росъ онъ въ дикомъ хорочоевскомъ ущельи, подъ покровомъ неба и работалъ въ качествѣ сельскаго рабочаго, у болѣе зажиточныхъ односельцевъ, какъ всякій батракъ, повинуясь безропотно велѣніямъ своихъ хозяевъ, исполняя свои священные національные обычаи. Занимаемое имъ рабское положеніе и полнѣйшее незнаніе имъ русскаго языка не позволяли ему выѣзжать изъ своего аула въ сторону, хотя бы ближайшаго города, да и надобности въ этомъ не было

обездоленному горцу. Такъ росъ сынъ горъ — будущій абрекъ.

32 лѣтъ Зелимханъ женился на бѣдной, какъ и самъ, неказистой Заріатъ, продолжая жить въ родительской саклѣ, вмѣстѣ съ отцомъ и младшимъ братомъ Солтомурадомъ, снискивая для семьи пропитаніе больше въ Дагестанѣ на полевыхъ работахъ.

Въ 1898 году его братъ Солтомурадъ рѣшилъ жениться на односельчанкѣ своей — бѣдной, но красивой дѣвушкѣ Ладѣ, въ которую былъ влюбленъ, но нашелся другой претендентъ на сердце Лады — односелецъ Магома Эльсановъ, который въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей вѣроломно похитилъ красавицу Ладу, и она, послѣ насилія надъ ней, невольно стала женой Эльсанова. По воззрѣніямъ вообще кавказцевъ такое явленіе считалось позорнымъ, оскорбляющимъ весь родъ, и позоръ этотъ долженъ былъ смыться кровью, если не похитителя, то во всякомъ случаѣ его ближайшихъ родственниковъ (отсюда, разумѣется, безконечная кровавая месть, переходящая изъ колѣна въ колѣно). Обычно, въ такихъ случаяхъ, виновникъ, боясь кровавой съ нимъ расправы, скрывался въ отдаленныхъ аулахъ, ютившихся въ тѣснинахъ горъ, но и обиженный не дремалъ, въ поискахъ своего врага, иначе онъ дѣлался посмѣшищемъ въ аулѣ, а женщины предавали его по своему остракизму.

Не дремалъ и Солтамурадъ. Въ тщетныхъ поискахъ своего врага, онъ окончательно выбился изъ силъ. Изнывалъ и старикъ Гушмазако подъ нависшимъ надъ нимъ и его поколѣніемъ позоромъ.

Въ одинъ изъ тихихъ аульныхъ вечеровъ, когда горныя дѣвицы гуськомъ возвращались съ рѣчки съ мѣд-

ными кувшинами на гибкихъ плечахъ, когда густой туманъ медленно спускался съ скалистыхъ вершинъ въ хорочаевское ущелье, въ свою ночлежку, Гушмазако случайно повстрѣчалъ брата врага своего поколѣнія, 20-лѣтняго Хизири Эльсанова.

Оба взялись за оружіе, но пріемы старика Гушмазако оказались болѣе поспѣшными, и Эльсановъ былъ убитъ наповалъ однимъ выстрѣломъ изъ кремневаго пистолета храбраго старика Гушмазако. Надо пояснить, что положеніе убійцы въ Чечнѣ было ужасное. Онъ не имѣлъ возможности мирно работать и спокойно спать, даже, если бы былъ оправданъ судомъ или отбылъ наказаніе, такъ какъ по обычаю, скованному вѣками, родственники убитаго, именуемые «кровниками», должны были слѣдить за своимъ врагомъ и ликвидировать его при первой возможности. Мало того — такое взаимомщеніе распространялось и на непричастныхъ къ убійству родственниковъ и эта месть переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе обѣихъ враждующихъ сторонъ. Недолго пришлось старику Гушмазако скрываться въ сосѣднемъ аулѣ. По слѣжкѣ Эльсановыхъ, онъ былъ арестованъ начальникомъ участка и временно помѣщенъ, на время дознанія, въ участковое арестантское помѣщеніе. Сыновья его Зелимханъ и Солтамурадъ, находившіеся въ это время на полевыхъ работахъ въ Дагестанѣ, были извѣщены о происшедшемъ и прибыли въ Ведено. Ночью произвели нападеніе на охранявшаго участковый карцеръ стражника-чеченца, слегка ранивъ его, освободили своего отца и скрылись въ горахъ Дагестана, оставивъ свою бѣдную саклю и обитателей въ ней на милость судьбы. Итакъ, отецъ съ двумя сыновьями, избѣгая кровавой мести и законной кары, избралъ себѣ путь

по вѣковымъ кавказскимъ дебрямъ, прямо къ абречеству. Въ скорости, послѣ этого, Солтамурадъ прибылъ въ Ведено, конечно, тайкомъ, для покупки у одного чеченца двухъ винтовокъ, но, по какой то неосторожности, былъ обнаруженъ. Властями онъ былъ арестованъ и заключенъ въ грозненскую тюрьму, но ему посчастливилось. Ко дню его заключенія арестованными въ тюрьмѣ былъ законченъ подкопъ и изъ тюрьмы бѣжало 60 арестантовъ, въ числѣ которыхъ бѣжалъ и Солтамурадъ. Надо замѣтить, что въ то время грозненская тюрьма хромала на всѣ четыре ноги.

Достигнувъ Дагестана, Солтамурадъ разыскалъ отца и брата. Надо было существовать и поддерживать существованіе и семьи Зелимхана. Первый шагъ абречества этой тройки выразился въ ограбленіи на красивомъ Керкетскомъ перевалѣ, извѣстномъ читателю, богатаго лезгина, жителя андійскихъ горъ, возвращавшагося съ большими деньгами изъ грозненской ярмарки, послѣ продажи имъ большого количества бурокъ. Лезгинъ былъ убитъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало распоряженіе генералъ-губернатора Терской области объ арестѣ и высылкѣ въ отдаленныя мѣста Сибири двѣнадцати ближайшихъ родственниковъ Зелимхана на все время военнаго положенія въ Терской области. Зелимханъ съ отцомъ и братомъ рѣшилъ освободить этихъ родственниковъ, которые подъ конвоемъ солдатъ должны были сопровождаться изъ веденской тюрьмы въ грозненскую для дальнѣйшаго отправленія въ Сибирь.

Дорога, по которой долженъ былъ проходить конвой, шла по ущелью, весьма удобному для нападенія и невозможномъ для отраженія нападенія. Освобождая родственниковъ, Зелимханъ завладѣвалъ винтовками и

патронами перебитаго конвоя и создавалъ возлѣ себя разбойничій кадръ. За цѣлыя сутки до слѣдованія конвоя съ арестованными, разбойничья тройка засѣла въ удобномъ мѣстѣ, но, по какой-то случайности, эту засаду обнаружилъ дорожный кондукторъ Турченко (русскій), слѣдившій за ремонтомъ этой шоссейной дороги.

Замыселъ Зелимхана, конечно, не удался, такъ какъ караулъ усилили влитымъ въ его составъ взводомъ чеченской милиціи, а въ чеченцевъ онъ не могъ стрѣлять, во избѣжаніе широкой кровавой мести, но за то кондукторъ Турченко на третій же день былъ убитъ въ его же собственномъ домѣ въ слоб. Ведено. Съ этого момента администрація Веденскаго округа особенно «интенсивно» повела розыски Зелимхана, его отца и брата, путемъ репрессій надъ его родственниками и женой, которые ни въ коемъ случаѣ не могли знать мѣстопребываніе этихъ перелетныхъ коршуновъ.

Были произведены аресты и избіенія отдаленныхъ родственниковъ Зелимхана старшимъ помощникомъ начальника Веденскаго округа, подполковникомъ Добровольскимъ, но онъ за эти репрессіи поплатился жизнью. Въ скорости, послѣ убійства Турченко, Добровольскій, по дѣламъ службы, изъ Ведено выѣхалъ въ гор. Грозный. Дорога между Ведено и Грознымъ одна — другихъ дорогъ нѣтъ; та самая, по которой смѣшанный конвой погналъ 12 родственниковъ Зелимхана. Надо пояснить, что окружную администрацію, конечно, въ виду ея не прозорливости, всегда окружали клевреты Зелимхана, подъ видомъ вѣстовыхъ, курьеровъ, сторожей и проч. Они всегда знали о выѣздѣ изъ Ведено начальствующихъ лицъ и не только объ этомъ, но и о времени воз-

вращенія, о чемъ сообщалось, передаточнымъ порядкомъ, въ нужныхъ случаяхъ Зелимхану. Зелимханъ засѣлъ на гористомъ удобномъ мѣстѣ у описанной дороги и поджидалъ возвращавшагося изъ Грознаго подполковника Добровольскаго.

Какъ только экипажъ поровнялся съ мѣстомъ засады, раздались выстрѣлы, и Добровольскій, получивъ двѣ смертельныя раны, отдалъ Богу душу. Распоряженіемъ намѣстника Кавказа, населеніе Веденскаго округа было оштрафовано на восемь тысячъ рублей, изъ коихъ пять тысячъ было выдано вдовѣ Добровольскаго и три тысячи вдовѣ Турченко. Аулъ Хорочой, покинутый Зелимханомъ три года тому назадъ, былъ обезоруженъ до послѣдняго кинжала, старшина этого аула былъ удаленъ отъ должности, аулъ былъ лишенъ права выбора старшины, съ назначеніемъ правительственнаго старшины, еще семь семействъ изъ родственниковъ Зелимхана были выселены въ Акмолинскую область. Штрафу подверглись и самые отдаленные, разбросанные въ глухихъ ущельяхъ аулы, жители которыхъ объ этихъ убійствахъ узнали лишь тогда, когда взыскивали съ нихъ штрафныя деньги, въ большинствѣ путемъ продажи послѣдней козы.

Въ 1905 году частный инженеръ-химикъ Байздренко, заинтересовавшись озеромъ Эйзенамъ, въ сопровожденіи гражданина гор. Грознаго Хрѣнова, совершилъ поѣздку къ этому озеру. Помимо красотъ природы, его интересовалъ вопросъ — какимъ образомъ въ горномъ озерѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ скалистыми высотами, на высотѣ 2700 футовъ, могла появиться рыба-форель? Байздренко имѣлъ въ виду научнымъ путемъ изслѣдовать эту игру природы.

Я упустилъ изъ виду сказать, что съ Байздренко и Хрѣновымъ были и жены ихъ, которыя поѣхали съ ними, чтобы полюбоваться на эту величественную природу. Зелимханъ, шнырявшій съ отцомъ и братомъ, по какому то фатальному обстоятельству, пронюхалъ объ этой компаніи и на Керкетскомъ перевалѣ встрѣтилъ непрошенныхъ гостей. Спросилъ ихъ — имѣютъ ли они при себѣ 20 тысячъ рублей и когда получилъ отрицательный отвѣтъ, то предложилъ женамъ Байздренко и Хрѣнова ѣхать домой и приготовить эту сумму къ пріѣзду въ гор. Грозный особаго лица съ запиской отъ Байздренко, а мужчинъ, до полученія выкупа, объявилъ плѣнными, при этомъ поставилъ имъ въ условіе быть нѣмыми, «какъ рыбы», въ противномъ случаѣ угрожалъ имъ смертью ихъ мужей. Конечно, какъ и нужно было ожидать, жены Байздренко и Хрѣнова молчали, какъ рыбы; къ назначенному Зелимханомъ сроку приготовили 20 тысячъ рублей, вручили эту сумму прибывшему отъ Зелимхана съ запиской Байздренко посланному, и мужья ихъ совершенно невредимыми явились къ своимъ семейнымъ очагамъ. Съ этого времени Зелимханъ пріобрѣтаетъ большую извѣстность, а администрація съ невѣроятной рьяностью производитъ розыски одними и тѣми же пріемами, т. е. нажимомъ на мирное населеніе и прибѣгая къ услугамъ трусливыхъ кровниковъ Зелимхана, какъ агентовъ.

Итакъ, генералъ-губернаторъ Терской области генералъ-лейтенантъ Колюбакинъ вспомнилъ, вѣроятно, историческую фразу Лукула, который сказалъ: «нѣтъ такой стѣны, черезъ которую бы не перепрыгнулъ оселъ, навьюченный золотомъ» и рѣшилъ навьючить осла золотомъ и перешагнуть черезъ зелимхановскую стѣну.

Хотя Зелимханъ оперировалъ въ пяти округахъ — веденскомъ, Хасавъ-Юртовскомъ, Назрановскомъ, Грозненскомъ и андійскомъ Дагестанской области, а также и Кизлярскомъ отдѣлѣ, заселенномъ казаками и нагайцами, тѣмъ не менѣе Колюбакинъ распорядился собрать съ жителей Веденскаго округа 20 тысячъ рублей, какъ фондъ для поимки Зелимхана, Гушмазако и Солтамурада. Изъ этой суммы 8 тысячъ было ассигновано за голову Зелимхана, 3 тысячи за голову Солтамурада и 1 тысяча за голову Гушмазако. Говорятъ, что Гушмазако страшно досадовалъ, что его голову, на 65-мъ году, такъ дешево оцѣнили, но больше онъ былъ недоволенъ Колюбакинымъ за то, что не правительство должно было платить эту сумму отъ казны, а его единоплеменники, бѣдные чеченцы. Такимъ образомъ, оселъ былъ навьюченъ золотомъ — оставалось перешагнуть Зелимхановскую стѣну. Объ ассигнованіи этой суммы было широковѣщательно оповѣщено населеніе и вызывались охотники (администрація лишній разъ показала свою слабость).

А гдѣ же еще 8 тысячъ рублей? А 8 тысячъ были вложены въ депозиты начальника Веденскаго округа «на безконтрольное расходованіе по сыску этихъ абрековъ».

Наберу въ ротъ воды и буду молчать о судьбѣ этихъ денегъ. Предоставлю читателю судить по назначенію или не по назначенію израсходованы эти деньги, но фактъ тотъ, что къ марту 1907 г., т. е. ко времени моего прибытія въ Веденскій округъ, эти 8 тысячъ усохли.

Какъ увидимъ дальше и эти ассигнованія не помогли администраціи. Населеніе больше озлоблялось про-

тивъ власти и личность Зелимхана, естественно, становилась популярною, въ особенности, въ массѣ молодежи.

Высшее кавказское начальство, налагая на чеченскій народъ экзекуціонную кару за то, что Зелимханъ ночевалъ въ юртѣ какого-нибудь аула, или въ лѣсу этого аула, или ночью проѣхалъ черезъ аулъ, не учитывало психологіи чеченца и не понимало, что оно настраивало противъ себя массу. Вѣдь чеченецъ, вполнѣ естественно, озлоблялся не противъ Зелимхана, который ему лично ничего плохого не сдѣлалъ, а озлоблялся противъ того кнута, который погналъ его послѣднюю корову на уплату штрафа и образованія фонда на поимку какого-то Зелимхана, который хватаетъ въ плѣнъ гдѣ то на Керкетскомъ перевалѣ, въ другой губерніи какихъ-то русскихъ людей. Я считаю, что чеченецъ былъ вполнѣ правъ въ своихъ сужденіяхъ. Чеченецъ говорилъ: «Почему я, никогда не видѣвшій въ лицо Зелимхана, ничего общаго съ нимъ неимѣющій, о дѣлахъ его не вѣдающій, мирно работающій въ самыхъ тягчайшихъ условіяхъ, аккуратно уплачивающій всѣ государственныя подати, совершенно лишенный права ношенія оружія, долженъ еще платить какіе-то штрафы, непредусмотрѣнные царскими законами, т. е. быть безъ вины виноватымъ. Кормить сотню казаковъ или роту солдатъ, переносить насилія и издѣвательства, да еще и искать гдѣ-то въ дебряхъ, безъ всякаго оружія, Зелимхана, какъ вѣтра. Не нелѣпо ли это?» Такъ говорилъ и вопрошалъ чеченецъ. Чеченцы спрашивали: «есть ли въ Европѣ или за океаномъ такая страна, гдѣ за преступленія одного отвѣчаетъ другой непричастный, да еще цѣлая нація».

Теперь я скажу объ «укрывательствѣ» абрековъ чеченцами. «Укрывательство» это носило вынужденный

характеръ, насильственный. Въ глубокую, подчасъ, непогодную полночь абреки въѣзжали на коняхъ къ жившему на окраинѣ, пріютившагося къ скалистой стѣнѣ аула, чеченцу. Поставивъ дозорнаго, абреки располагались въ саклѣ, какъ у себя дома. Воспользовавшись принужденно поданнымъ угощеніемъ, отдохнувъ и накормивъ коней, отправлялись дальше въ никому неизвѣстномъ направленіи. Въ аулѣ нѣтъ ни вооруженной силы, ни телефона. Впрочемъ, самъ хозяинъ былъ въ положеніи плѣннаго, такъ что, даже при наличіи всего этого, онъ ничего, въ смыслѣ задержанія абрековъ, предпринять не могъ.

Дома такихъ «укрывателей» сносились до основанія и сами они высылались административнымъ порядкомъ въ отдаленныя мѣста Россіи, а аулъ подвергался штрафу или экзекуціи. Скажемъ нѣсколько словъ объ экзекуціи.

Аулъ, признанный «виновнымъ въ укрывательствѣ» абрековъ, какъ я упомянулъ выше, лишался права выбора старшины, въ аулъ назначался старшиной одинъ изъ фаворитовъ начальника участка или начальника округа, жителямъ на извѣстный срокъ не выдавались паспорта, въ аулъ вводилась сотня, а то и болѣе казаковъ или рота солдатъ; часть находилась въ аулѣ до 6-ти и болѣе мѣсяцевъ на иждивеніи аула. Ясно и понятно, что часть эта съѣдала все отъ цыпленка до быка. Это разоряло населеніе окончательно, убивало въ немъ всякое уваженіе къ закону и власти, чеченецъ усматривалъ полное нарушеніе русскихъ гуманныхъ законовъ властью, а, если принятъ во вниманіе, что ночами, подъ предлогомъ обысковъ, съ цѣлью обнаруженія, якобы, оружія, нѣкоторые негодяи посягали на женскую честь, вѣка-

ми замкнутой горянки-чеченки, воспитанной въ духѣ непроницаемой нравственности, то думалось, что даже скалы возопили бы къ небу, а чеченецъ терпѣлъ, затаивъ протестъ въ груди. Что же дѣлали правители? Стремились къ обрусѣнію края? Къ проведенію въ жизнь русской гражданственности? Нѣтъ. Они учили «покоренный» народъ не любить Россію и ея законы. Они посѣвали между русскими и туземцами глубокій антагонизмъ, доходившій изъ за пустяковъ до кровавыхъ столкновеній между станицами и аулами. Распространяться объ этомъ не буду и вернусь къ Зелимхану. Это было въ 1906 году, когда Зелимханъ, собралъ до 30 человѣкъ всякаго сброда изъ безотвѣтственнаго элемента и произвелъ ночное нападеніе на пассажирскій поѣздъ, шедшій изъ Баку въ Ростовъ. Шайка засѣла недалеко отъ полотна дороги на перегонѣ — «Аргунъ-Хачмасъ». Какъ только поѣздъ дошелъ до мѣста засады, онъ былъ остановленъ, находившимся въ этомъ поѣздѣ абрекомъ изъ шайки, красной рукояткой тормознаго крана. Шайка имѣла въ виду ограбить почтовый поѣздъ, но просто ошиблась.

Не найдя, разумѣется, почтоваго вагона, абреки бросились въ вагоны. Захваченные врасплохъ пассажиры въ паникѣ отдали всѣ деньги и наружныя цѣнности. Операція эта продолжалась не болѣе 10 минутъ. Шайка была не на коняхъ, а пѣшая, для того, именно, чтобы не оставить слѣдовъ. Къ утру вся шайка разбрелась по окрестнымъ аулам, не навлекая на себя никакихъ подозрѣній. Поднятая на слѣдующій день тревога и произведенные до смѣшного аресты **«подозрительныхъ»** лицъ, какъ это всегда бывало, безъ всякихъ основаній и уликъ, напоминавшіе мнѣ хлестаніе кнутомъ по водѣ,

ни къ какимъ желательнымъ результатамъ, конечно, не привели и дѣло это кануло въ вѣчность.

Полковникъ В. С. Галаевъ и его гибель.

Впереди я сказалъ, что въ теченіе моей трехлѣтней службы въ Чечнѣ мнѣ пришлось служить съ пятью начальниками округа. Первымъ изъ нихъ былъ полковникъ войска Терского изъ осетинъ, Василій Савельевичъ Галаевъ, съ которымъ, къ сожалѣнію, мнѣ пришлось служить очень мало. Какъ коренной сѣверо-кавказецъ, онъ хорошо зналъ тотъ народъ, которымъ, по волѣ судьбы, онъ управлялъ, умудренный долголѣтнимъ административнымъ опытомъ ;онъ насквозь видѣлъ чеченца, учитывая его нужды, его духовные запросы. Этотъ человѣкъ былъ кристальной честности и съ большой эрудиціей. Этотъ Галаевъ, кажется, былъ единственный администраторъ, который понималъ, что онъ для народа, но не народъ для него. Исключительными стараніями его въ укрѣпленіи Ведено было воздвигнуто прекрасное зданіе для горской чеченской школы ;ему обязана телефонная сѣть въ округѣ и почтово-телеграфное сообщеніе. Въ дальнѣйшіе его планы входило: развитіе въ округѣ школьной сѣти, назначеніе во всѣ аулы медицинскихъ фельдшеровъ, оборудованіе окружной больницы, улучшеніе путей сообщенія и проч. культурно-просвѣтительныя насажденія, но главнѣйшая его задача была ликвидація Зелимхана. «При наличіи этого негодяя, работать тяжело», говорилъ часто Галаевъ. Онъ хотѣлъ освободить отъ ужасныхъ притѣсненій со стороны высшаго кавказскаго начальства ни въ чемъ неповинный, мирный чеченскій народъ. Галаевъ сумѣлъ возстановить

здравомыслящую массу горной Чечни настолько, что Зелимханъ это чувствовалъ и даже пересталъ бывать въ Веденскомъ округѣ, боясь народной кары. Онъ присылалъ по почтѣ Галаеву 14 писемъ. Всѣ письма были написаны по-арабски отцомъ его Гушмазако, съ приложеніемъ печати Зелимхана (инициалы его по арабской грамотѣ). Въ письмахъ этихъ Зелимханъ то просилъ пощады, то ходатайства о помилованіи, то спрашивалъ, что съ нимъ будетъ сдѣлано, если онъ самъ сдастся, то угрожалъ Галаеву и его семьѣ. Своею мужественною стойкостью и особеннымъ вліяніемъ на народъ Галаевъ лишній разъ убѣдилъ этого абрека въ его скорой гибели, и Зелимханъ однимъ выстрѣломъ изъ засады разъ навсегда покончилъ счеты съ Галаевымъ и въ тотъ же день бѣжалъ въ Хасавъ-Юртовскій округъ. Убійство полковника Галаева 9 мая 1908 года произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Укрѣпленіе Ведено, гдѣ роковая пуля сразила Галаева, расположено на небольшой равнинѣ, окруженной горами, омывающейся красивой серебристой рѣкой Хулхулау. Ведено во время Кавказской войны была одна изъ стратегическихъ базъ Имама Шамиля. Мѣстность мало доступная для тогдашняго оружія (артиллеріи). На крутомъ правомъ берегу Хулхулау, въ небольшомъ домикѣ, жилъ старшій помощникъ Галаева, подполковникъ Петропавловскій — старый холостякъ. Ежедневно, въ 12 час. дня, Галаевъ и Петропавловскій на одинъ-два часа прерывали свои занятія въ окружномъ управленіи и шли на кофе къ Петропавловскому. Зелимхану это стало извѣстно отъ его близкихъ, слѣдившихъ за жизнью Галаева, а можетъ быть предатель и служилъ въ конвоѣ его. День 9 мая, который Зелимханъ избралъ

для убійства Галаева, какъ то не гармонировалъ съ жестокимъ злодѣяніемъ. Стояла тихая солнечная погода Веденскій паркъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ великолѣпныхъ липъ и акацій, разносившихъ свой ароматъ до самой церкви, гдѣ бѣгали русскія дѣти-босоножки. Какъ то особенно оживленно щебетали крохотныя горскія пташки, грѣясь подъ лучами ласковаго солнца; даже Хулхулау не торопилась нести свои воды Аргуну. Казалось, что и она хотѣла обогрѣть свои холодныя волны лучами игриваго солнца. Вся природа ликовала въ своей красотѣ и величіи... Все жило, все въ природѣ хотѣло жить. Все было какъ то въ природѣ умильно въ этотъ день. Никто не могъ подумать, что на противоположномъ лѣсномъ берегу красивой Хулхулау Галаевъ приговоренъ къ смерти.

По выходѣ отъ Петропавловскаго на улицу въ 1 часъ дня, въ сопровожденіи сотника Бичерахова (нынѣ генералъ; находится въ Парижѣ) Галаевъ пріостановился желая что то сказать своему помощнику, стоявшему на крыльцѣ дома, какъ вдругъ раздался залпъ съ противоположнаго берега рѣчки. Одна пуля попала Галаеву въ високъ, и онъ мгновенно скончался. Лихой сотникъ Бичераховъ не растерялся и изъ имѣвшагося при немъ револьвера произвелъ выстрѣлы до послѣдняго патрона черезъ рѣчку въ сторону засады и, конечно, безрезультатно. Быстрый выѣздъ сотни казаковъ, находившейся въ Ведено въ распоряженіи начальника округа, подъ командой Бичерахова, никакихъ результатовъ не далъ, т. к. обдуманный заранѣе планъ Зелимхана обезпечилъ ему скорое и незамѣтное исчезновеніе въ лѣсистыхъ горахъ, а потомъ и далѣе.

На мѣстѣ засады Зелимханомъ была оставлена за-

писка на арабскомъ языкѣ. Содержаніе записки сводилось къ тому, что онъ предупреждалъ не разъ Галаева, но онъ продолжалъ его преслѣдовать, а потому, онъ, Зелимханъ, предпочелъ его, Галаева, смерть. Убійство Галаева произвело удручающее впечатлѣніе на населеніе округа. Вѣдь былъ убитъ уважаемый начальникъ округа, но мало этого — убійство это несло за собой штрафы и экзекуціи. Черезъ нѣсколько дней въ Ведено прибылъ генералъ-губернаторъ Терской области генералъ-лейтенантъ Колюбакинъ. Къ представителямъ Чечни онъ предъявилъ требованіе о выдачѣ Зелимхана «въ двухнедѣльный» срокъ, что называется, рубанулъ съ плеча. Онъ упустилъ изъ виду, что Зелимханъ витаетъ далеко, далеко отъ Веденскаго округа, гдѣ то въ трущобахъ Дагестана.

Въ скорости прибылъ кубанскій пластунскій баталіонъ и расположился въ аулѣ Хорочай на экзекуціонныхъ началахъ, а Намѣстникомъ Кавказскимъ на населеніе округа былъ наложенъ штрафъ въ размѣрѣ 16 тысячъ рублей въ пользу семьи Галаева, состоявшей изъ вдовы, сына студента и двухъ взрослыхъ дочерей. Населеніе округа по своей иниціативѣ, безъ всякаго давленія со стороны начальства, путемъ самообложенія, постановило образовать изъ чеченцевъ-охотниковъ особыя партизанскія команды съ подчиненіемъ ихъ начальникамъ участковъ, по 25 человѣкъ на каждый участокъ. Участковъ было пять, а потому населеніе обязалось содержать 125 человѣкъ до ликвидаціи Зелимхана съ шайкой, со своимъ оружіемъ, лошадьми, снаряженіемъ и довольствіемъ.

Такимъ постановленіемъ населеніе округа показало свою готовность въ ликвидаціи Зелимхана и вообще абрековъ.

Я долженъ пояснить, что, несмотря на тяжелыя условія службы, сопряженныя съ явной опасностью, невѣроятно дикихъ, я бы сказалъ, требованій высшаго начальства, по борьбѣ съ разбойниками, вооруженными, какъ говорятъ, до зубовъ, на отборныхъ коняхъ, съ элементомъ, поставившимъ жизни на карту, администрація Терской области имѣла въ своемъ распоряженіи комичныя средства борьбы. Вся сила начальника участка заключалась изъ переводчика и двухъ милиціонеровъ-чеченцевъ, вооруженныхъ бердановскими ружьями и на захудалыхъ клячахъ. Милиціонеры эти именовались тѣлохранителями. Не представляю себѣ, что бы получилось изъ моего тѣла съ такими хранителями его, если бы я когда-нибудь встрѣтился съ шайкой абрековъ въ 30-40 человѣкъ, когда получалъ приказанія: «немедленно выѣхать, закрыть проходы въ горы и пресѣчь путь отхода арбековъ». Фраза громкая и шикарная! Въ такой, именно фразировкѣ мнѣ и было передано приказаніе подполковника Петропавловскаго въ день убійства Галаева. «Закрыть проходы въ участокъ, дабы шайка не могла черезъ горы пройти въ Дагестанъ!» Какъ будто въ моемъ распоряженіи была дивизія. Проходы, на протяженіи 80 верстъ, въ сильно усѣченной мѣстности, въ горахъ, лѣсахъ, трущобахъ, я «закрылъ» нѣсколькими десятками мирныхъ жителей, вооруженными сучковатыми дубинами, но въ душѣ моей скопилось милліонъ проклятій на высшее начальство. Самъ тоже выѣхалъ въ сторону Ведено, въ сопровожденіи переводчика-старичка и одного милиціонера (другой разставлялъ грозную стражу изъ жителей по границѣ), но съ зелимхановской тройкой не встрѣтился.

Ликвидація шайки Зелимхана.

Итакъ, сформировавъ партизанскую команду, численностью въ 25 человѣкъ изъ чеченцевъ моего участка, я почувствовалъ себя болѣе или менѣе обезпеченнымъ средствами борьбы съ Зелимханомъ, и съ этого момента я и началъ свои активныя противъ него дѣйствія. Съ командой этой мнѣ удалось изловить 14 абрековъ разновременно.

Вполнѣ раздѣляя способъ дѣйствій полковника Галаева, направленный противъ Зелимхана, путемъ моральнаго вліянія на населеніе, я самъ придерживался этой системы, но былъ и сторонникомъ конспиративныхъ противъ него пріемовъ — купля его головы за деньги и розыскъ черезъ посредство одного изъ соучастниковъ его періодическихъ выступленій.

При формированіи команды, я постарался подобрать людей здоровыхъ, не молодыхъ, сметливыхъ, выносливыхъ, бывалыхъ и храбрыхъ, хорошо знакомыхъ съ условіями мѣстности, на отборныхъ лошадяхъ и знавшихъ его въ лицо. Команду я привелъ торжественно къ присягѣ на Коранѣ, при большомъ стеченіи чеченцевъ и ихъ хаджи. Участковый кадій произнесъ трогательную рѣчь, указавъ на тотъ колоссальный вредъ, который приноситъ Зелимханъ гордому чеченскому народу и требовалъ отъ команды моей, именемъ пророка Магомета, смыть съ чеченскаго народа черное пятно кровью Зелимхана.

«Благословляю васъ кораномъ, будьте преданы вашему начальнику участка и въ добрый часъ! Аллахъ вамъ на помощь!» были послѣднія, заключительныя слова

всѣми уважаемаго кадія, 75-ти лѣтняго старца Муссахаджіева.

Я видѣлъ слезы на глазахъ всадниковъ моей команды, когда этотъ старецъ дрожащимъ голосомъ, совершенно искренно, изъ глубины его чистой души, въ теченіе около часа, произносилъ свою глубокопродуманную, со ссылками на цитаты св. корана, рѣчь.

Итакъ, наэкзальтированная команда была готова. Надо было искать Зелимхана.

Абрекъ Борганай предаетъ Зелимхана

Въ Веденскомъ округѣ скрывался малоизвѣстный абрекъ Борганай Демагаевъ (житель аула Беной моего участка); онъ обвинялся въ двухъ убійствахъ на почвѣ кровавой мести и, избѣгая столкновенія съ кровниками, а также не желая предстать предъ правосудіемъ, онъ ушелъ подъ покровительство скалъ и лѣсовъ, какъ было принято выражаться: «ушелъ въ абреки». Носились отдаленные слухи, что Борганай въ большой дружбѣ съ Зелимханомъ, что онъ не разъ былъ его проводникомъ въ неосвѣщенныхъ Зелимханомъ трущобахъ и что онъ участвовалъ въ ограбленіи пассажировъ поѣзда на перегонѣ «Аргунъ-Хачмасъ». Зелимханъ, зная храбрость Борганая, неоднократно, будто бы, предлагалъ ему соединиться съ нимъ, но Борганай почему-то не рѣшался. Надо замѣтить, что двоюродный братъ Борганая служилъ въ моей партизанской командѣ. Это обстоятельство и помогло мнѣ. Совершенно конспиративно мнѣ было сообщено однимъ виднымъ чеченцемъ, заслуживавшимъ мое глубокое довѣріе, что Борганай изъявляетъ свою готовность по розыску Зелимхана и оказанію мнѣ помощи

въ ликвидаціи его, въ чемъ готовъ принять клятву на коранѣ, но съ тѣмъ, однако, чтобы я далъ честное слово не предавать его въ руки правосудія и чтобы впослѣдствіи онъ былъ Намѣстникомъ помилованъ. Лично мнѣ было извѣстно, что Борганай происходитъ изъ хорошей фамиліи, никого въ роду не было съ преступнымъ уклономъ, самъ Борганай былъ человѣкъ честный и прямолинейный, но на убійство его толкнуло чувство воздаянія за оскорбленіе фамильной чести.

Такимъ образомъ, на мой письменный столъ была положена довольно трудная, въ рѣшеніи сопряженная съ большимъ рискомъ, задача, но я ее долженъ былъ рѣшить самостоятельно, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Задача эта требовала разрѣшенія трехъ вопросовъ: 1) согласится ли со мной мое начальство, если объ этомъ я донесу секретно, прося разрѣшенія воспользоваться услугами уголовнаго преступника, и не прикажетъ ли оно мнѣ, по своей трусливой педантичности, обмануть Борганая и арестовать его. 2) Если Борганай поможетъ ликвидировать Зелимхана, то будетъ ли онъ помилованъ и 3) Что выйдетъ изъ моего отказа въ встрѣчѣ съ Борганаемъ? Не присоединится ли тогда онъ къ Зелимхану? Начальству моему, признаюсь, я тогда не вѣрилъ; вотъ почему эту сложную задачу я взялся рѣшить самъ. Я пошелъ на серьезный шагъ. Въ случаѣ неудачи мнѣ угрожалъ разстрѣлъ и въ крайнемъ случаѣ арестантскія отдѣленія, но я рѣшилъ перейти Рубиконъ. Я далъ просимое у меня честное слово и черезъ два дня, въ глубокую полночь, ко мнѣ явился абрекъ Борганай, въ сопровожденіи своего ходатая. Это былъ молодцеватый мужчина 30 лѣтъ, средняго роста, съ умными, выражающими честность и мужество глазами. Послѣ короткой бесѣды,

я отпустилъ его на всѣ четыре стороны. Ни къ какой присягѣ его не приводилъ, но сказалъ ему, что поступокъ мой въ отношеніи его смѣлый и благородный, что съ законной точки зрѣнія я совершаю большое преступленіе, за которое понесу тяжелую кару.

Это было 19-го августа 1908 года, т. е., спустя три съ лишнимъ мѣсяца, послѣ убійства Галаева, а 29-го того же августа я выѣхалъ въ гор. Владикавказъ по вызову сессіи военно-окружного суда въ качествѣ свидѣтеля со стороны обвиненія. Судъ этотъ судилъ трехъ абрековъ, разновременно задержанныхъ мною.

30-го августа, въ 7 часовъ вечера въ моей ставкѣ была получена телефонограмма о томъ, что разбойникъ Зелимханъ, съ шайкой до 20 человѣкъ, въ хасавъ-юртовскомъ округѣ, произвелъ нападеніе на экономію овцевода Мѣсяцева. Взялъ въ плѣнъ Мѣсяцева и семь лошадей. Отъ жены требуетъ выкупъ 30 тысячъ рублей. Въ телефонограммѣ было высказано предположеніе о движеніи шайки въ сторону моего участка.

Схватка.

31-го августа, въ 3 часа по полудни, въ ставку мою на усталомъ конѣ прискакалъ мой абрекъ Борганай (команда, при видѣ его, пришла въ восторгъ) и вотъ что онъ разсказалъ моему переводчику: «Сожалѣю, что нѣтъ самого начальника. Я поклялся Аллахомъ предать Зелимхана въ руки нашего начальника. По уходѣ отъ него я помолился и поѣхалъ искать Зелимхана. На шестой же день я нашелъ его въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ у кочевниковъ. Пробылъ съ нимъ двое сутокъ. Онъ былъ съ отцомъ, братомъ и товарищемъ лезгиномъ.

Зелимханъ меня поставилъ въ извѣстность о предстоящемъ плѣненіи какого то русскаго овцевода и разгромѣ его экономіи и просилъ моего участія въ этомъ дѣлѣ. Я, конечно, отвѣтилъ согласіемъ. 27-го августа, съ наступленіемъ темноты, мы въ пятеромъ, на коняхъ двинулись въ большой ачкеринскій лѣсъ, гдѣ и пробыли до 29-го августа.

Съ утра, 30 августа, въ этотъ лѣсъ сталъ стекаться всякій сбродъ, который не зналъ даже другъ друга. По одному, по два и по три всадника. Всего набралось съ нами 23 человѣка. Въ числѣ этого сброда были и чеченцы и лезгины (тавлинцы), проживавшіе въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ и Кизлярскомъ отдѣлѣ, были и ингуши и даже двое русскихъ. Съ наступленіемъ темноты мы выѣхали изъ лѣса и поѣхали по направленію къ Хасавъ-Юрту, прямо къ экономіи овцевода Архипа Мѣсяцева. Экономія эта находится особнякомъ въ степи. Все время распоряжался не Зелимханъ, а Гушмазако. Шесть человѣкъ вошли въ домъ Мѣсяцева, а остальные стояли въ оцѣпленіи, вокругъ экономіи. Телефона въ экономіи не было. Черезъ нѣсколько минутъ Гушмазако, Зелимханъ, Солтамурадъ и еще три абрека вывели Мѣсяцева на дворъ; онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ съ нами. Попутно были захвачены и кровныя англійскія лошади Мѣсяцева, которыя предназначаются для продажи въ Дагестанѣ. Лошадей взято семь штукъ. Плѣннаго Мѣсяцева повезли черезъ юртовые надѣлы селеній Кади-Юртъ, Ойсунгуръ, Бачи-юртъ и ночью же достигли горъ. Въ чинаровомъ бачіортовскомъ лѣсу, на двухъ туртухуторскихъ полянахъ, шайка должна сдѣлать продолжительную передышку и потомъ слѣдовать черезъ вашъ участокъ по ущельямъ р. Аксая въ Дагестанъ.

Я настоялъ на томъ, что надо освѣтить мѣстность и произвести предварительно развѣдку, такъ какъ можно ожидать разстановку засадъ начальникомъ участка, послѣ поднятой тревоги. Шайка, а въ особенности Гушмазако, одобрили такое предложеніе, и я поѣхалъ впередъ. Прикажи сѣдлать коней и намъ надо спѣшно ѣхать».

Черезъ 15 минутъ, послѣ этого сообщенія, команда моя спускалась уже съ крутизны въ аксайское ущелье. Въ 4 ч. 35 м. она была у подступовъ къ туртухуторскимъ высотамъ, гдѣ, спѣшивъ команду, переводчикъ мой Муссахаджіевъ оставилъ лошадей при трехъ коноводахъ.

Къ семи часамъ вечера, одолѣвъ высоты, команда вошла въ вѣковой чинаровый лѣсъ, гдѣ оказалось двѣ козьихъ дорожки.

На перекресткѣ этихъ дорожекъ Борганай остановился въ раздумьи, такъ какъ были обнаружены слѣды и пометъ лошадей по двумъ противоположнымъ направленіямъ. Оставалось притти къ одному заключенію — шайка для удобства дѣйствій въ горахъ и укрытія раздѣлилась на двѣ части. Какъ выяснилось послѣ, такъ оно и было, но, проѣхавъ версты три, обѣ части сошлись на одномъ мѣстѣ по темной тропинкѣ.

Муссахаджіевъ раздѣлилъ команду тоже на двѣ части. По лѣвой дорожкѣ пошелъ самъ съ десятью партизанами и Борганаемъ, а по правой дорожкѣ пошли остальные партизаны. Пройдя около трехъ верстъ, въ чащѣ, правая команда услышала ружейную трескотню. Имъ стало ясно, что лѣвая часть команды наскочила на абрековъ. Итти по прямой линіи къ мѣсту перестрѣлки, въ виду сильно усѣченной мѣстности и лѣсной чащи, было невозможно, и они были вынуждены бѣжать къ мѣ-

сту схватки обратно на перекрестокъ дорожекъ, гдѣ раздѣлились, и пробѣжать еще около двухъ верстъ, но, къ сожалѣнію оказать помощь своимъ товарищамъ не успѣли минуты на три. Перестрѣлка закончилась и разбитая шайка бѣжала.

Что же оказалось? Лѣвая часть команды, пройдя по упомянутой козьей дорожкѣ около двухъ верстъ, наскочила на абрековъ, отдыхавшихъ на полянѣ, послѣ тяжелаго перехода, въ ожиданіи, вѣроятно, прибытія «развѣдчика» Борганая.

Встрепенулись абреки и схватили винтовки. Гушмазако, увидѣвъ, стоявшихъ передъ нимъ, чеченцевъ, державшихъ винтовки на изготовку, обратился къ нимъ съ такими словами: «Чеченцы, что вы дѣлаете? Вѣдь мы мусульмане... Не будемъ проливать братской крови, а давайте разойдемся по добру. Вѣдь чеченскій народъ изъ-за насъ обольется кровью». Въ отвѣтъ на это переводчикъ мой Муссахаджіевъ крикнулъ по-чеченски: «тоха!», что значитъ: «стрѣляй!». Но мгновенно изъ шеренги выскочилъ мой партизанъ Буцу Крымхановъ, обладавшій огромной физической силой, и крикнулъ: «матоха!». Что значитъ: «не стрѣляй!».

На одинъ моментъ создалось такое положеніе, что стрѣлять было невозможно, такъ какъ впереди стоялъ Буцу. Онъ подбѣжалъ къ стоявшей шеренгѣ абрековъ и поздоровался за руку съ Зелимханомъ. Команда недоумѣвала, что это значило, продолжая стоять, держа наизготовку винтовки. Въ этотъ самый моментъ Зелимханъ, увидѣвъ въ шеренгѣ партизановъ Борганая, подобно Цезарю, воскликнувшему: «и ты, Брутъ!», произнесъ: «и ты, Борганай!», назвавъ его проституткой. Буцу же, схвативъ за поясницу Зелимхана сзади, сталъ не-

сти его къ шеренгѣ моихъ партизановъ. Его цѣль была такова: вынести Зелимхана за шеренгу въ чащу, партизанамъ дать возможность стрѣлять въ абрековъ, а Зелимхана взять живымъ, чтобы единолично получить ассигнованную за его голову сумму (8 тысячъ) и прославить имя свое въ будущихъ пѣсняхъ чеченскихъ, какъ онъ, Буцу голыми руками, унесъ легендарнаго абрека, державшаго въ террорѣ край.

Зелимханъ, конечно, сопротивлялся, и между ними завязалась борьба, вызванная глупостью Буцу. Въ этотъ моментъ, ясно и понятно, не могли перестрѣливаться партизаны съ абреками, такъ какъ между ними и абреками происходила возня. Однако, Зелимхану удалось обнажить кинжалъ и, уколами назадъ, нанести Буцу 11 ранъ. Послѣ этихъ раненій Буцу выпустилъ изъ рукъ Зелимхана, который нанесъ ему послѣдній, 12-й смертельный, ударъ кинжаломъ по шеѣ. Завязалась перестрѣлка, длившаяся недолго. Первымъ былъ убитъ Гушмазако, получившій шесть смертельныхъ ранъ. Абреки, отстрѣливаясь, бѣжали назадъ, на другую поляну, гдѣ паслись ихъ лошади и лошади Мѣсяцева. Въ результатѣ этой перестрѣлки съ моей стороны было убито два партизана и третій мой абрекъ Борганай, честно выполнившій свое обѣщаніе, и ранено шесть партизановъ, въ числѣ ихъ и переводчикъ Муссахаджіевъ. Со стороны абрековъ было убито пять — отецъ Зелимхана Гушмазако, братъ Зелимхана Солтамурадъ, тавлинецъ Магома Гудали-Газай-оглы, абрекъ изъ ингушей Солтангирей и пятый неизвѣстный.

Впослѣдствіи, по свидѣтельству Мѣсяцева, какой-то русскій, который, владѣя чеченскимъ и кумыкскимъ нарѣчіями, былъ, между прочимъ, и въ роли переводчика.

Самъ Зелимханъ былъ раненъ въ правую руку выше локтя. Съ остатками подбитой шайки Зелимханъ бѣжалъ изъ мѣста схватки, оставивъ тамъ трупы отца, брата и товарищей, а также винтовку, кинжалъ, свалившуюся съ головы его коричневую папаху, семь лошадей Мѣсяцева и пять осѣдланныхъ лошадей убитыхъ абрековъ. Плѣнный Мѣсяцевъ тоже долженъ былъ быть забытымъ бѣжавшими въ паникѣ абреками, но онъ самъ, не давая отчета всему происшедшему, тоже въ паникѣ, вскочивъ на коня, поскакалъ за шайкой. Преслѣдовать ускакавшихъ обратно на плоскость не было возможности пѣшимъ партизанамъ. Наступила темнота. Въ 9-ти верстахъ отъ мѣста схватки, внизу, у подступовъ къ горамъ, съ противоположной стороны, былъ разбросанъ небольшой аулъ Цонторой, гдѣ былъ и телефонъ. Оттуда позвонили о происшедшемъ исполнявшему въ это время обязанности начальника Веденскаго округа войсковому старшинѣ Хетагурову.

Значеніе схватки, дальнѣйшія злодѣянія Зелимхана и мѣры администраціи.

Поднятая Хетагуровымъ тревога ни къ чему не привела, если не напортила.

Пользуясь ночной темнотой, заволоченной мелкимъ дождемъ, шайка ушла обратно на плоскость. Ночью прошла Хасавъ-Юртовскій округъ и къ разсвѣту затерялась въ ногайскихъ кочевьяхъ Кизлярскаго отдѣла.

Маршъ этотъ описывать безполезно, т. к. онъ понятенъ лишь аборигену Терской области, да и то бывавшему въ этихъ мѣстахъ.

На разсвѣтѣ, 1-го сентября, на мѣсто перестрѣлки

прибылъ «опереточный», какъ его называли, войсковой старшина Хетагуровъ, съ полусотней казаковъ, который, въ честь павшихъ моихъ молодцовъ, приказалъ отсалютовать тремя залпами, сказавъ нѣсколько крылатыхъ словъ по адресу моихъ партизановъ, собравшимся ротозѣямъ изъ ближайшихъ ауловъ. Къ двумъ часамъ по полудни, на мѣсто схватки прибылъ и генералъ-губернаторъ Колюбакинъ, съ подобающей помпой, грозой военной, состоящей изъ сотни казаковъ и конной полубатареи. Были произведены фотографическіе снимки и поверхностное обслѣдованіе дѣла. Приказалъ мнѣ представить команду мою къ награжденію серебряными медалями на георгіевскихъ лентахъ, съ надписью «За храбрость», разрѣшилъ мнѣ получить въ мое пользованіе и въ собственность изъ трофеевъ доспѣхи Зелимхана — винтовку и кинжалъ, и отбылъ. Какимъ то чудомъ аулъ Цонторой, въ юртѣ котораго произошла схватка, избѣжалъ экзекуціи.

На мѣстѣ схватки Хетагуровъ, при помощи двухъ своихъ клевретовъ, самымъ безстыднымъ образомъ убѣдилъ Колюбакина въ томъ, что въ числѣ пяти убитыхъ абрековъ, убитъ и Зелимханъ, указывая на трупъ Магомы-Ґазай-оглы, имѣвшаго съ Зелимханомъ сходство (такой же средній ростъ, коренастый, съ большимъ носомъ и толстыми губами, 45-46 лѣтъ). Впрочемъ, Колюбакина не нужно было долго убѣждать въ этомъ, ибо ликвидація нашумѣвшаго Зелимхана и ему открывала пути къ дальнѣйшей карьерѣ или, во всякомъ случаѣ, разсѣивала существовавшее въ высшихъ петербургскихъ сферахъ мнѣніе не въ пользу его, въ связи съ операціями Зелимхана.

Попытки мои разубѣдить Колюбакина въ неправ-

доподобности доклада Хетагурова, стремившагося на мнимомъ трупѣ Зелимхана получить орденъ Владиміра и производство въ полковники, оказались тщетными и даже обозлили особу его превосходительства; но я добился все же правды, когда вскорости послѣ этого въ Терскую область прибылъ на ревизію, командированный Намѣстникомъ Кавказскимъ, генералъ Павловъ, которому мною былъ поданъ обоснованный докладъ. Ни чина полковника, ни ордена Владиміра Хетагуровъ не получилъ, а генералъ-губернаторъ Колюбакинъ, по окончаніи павловской ревизіи, по совокупности отрицательныхъ качествъ, указывавшихъ на несоотвѣтствіе его назначенію, былъ освобожденъ отъ управленія областью и Терскимъ войскомъ. Вмѣсто него былъ назначенъ бывшій начальникъ артиллеріи кавказскаго военнаго округа генералъ-лейтенантъ Михѣевъ (донской казакъ) прекрасный знатокъ артиллеріи, но безъ всякихъ данныхъ для управленія этнографической пестротой Терской области.

Происшедшая 31-го августа 1908 года схватка небывалая, такъ какъ не было случая, чтобы чеченцы, пренебрегая кровной местью, организованно, безъ всякаго давленія на нихъ, вполнѣ сознательно, а не въ состояніи афекта, при абсолютномъ отсутствіи личной вражды или обстоятельствъ, нарушающихъ основы вѣковыхъ традицій, стрѣляли другъ въ друга, но чеченцы сдѣлали это. Сдѣлали для того, чтобы передъ царскимъ правительствомъ укрѣпить свое національное достоинство и честь, чтобы умертвить тенденціозные навѣты на нихъ и избавиться отъ неразумныхъ и беззаконныхъ пріемовъ администраціи, налагавшей на нихъ, совершенно незаслуженно, дикія наказанія, не указанныя Импера-

торомъ Россіи, той самой администраціи, которая, либо не хотѣла, либо не умѣла вести борьбу противъ абрековъ, той самой администраціи, которая не израсходовала ломаннаго гроша на это дѣло изъ государственной казны.

Чеченцы, создавая на собственныя средства партизанскія команды при начальникахъ участковъ и, вливая въ нихъ отборныхъ молодцовъ, для дѣйствій противъ разбойничьихъ бандъ, состоявшихъ не изъ однихъ лишь чеченцевъ, этимъ самымъ показали, что они не только не преступники, какъ объ этомъ кричала администрація отъ Кавказа до Питера, но и готовы бороться съ преступниками, дѣйствующими зачастую внѣ раіона Чечни.

Мало того — чеченцы Зелимхану показали свое омерзеніе къ нему, объявивъ его кровнымъ врагомъ нѣсколькихъ лучшихъ фамилій Чечни. Самъ Зелимханъ, обезкрыленный убійствомъ его отца, брата и лучшихъ сподвижниковъ, понялъ, что ему надо бояться своихъ чеченцевъ и только чеченцевъ, а переходъ Брута-Борганая во вражескій лагерь окончательно парализовалъ въ немъ довѣріе къ кому бы то ни было, и онъ, оставшись одинъ, влачилъ волчье существованіе, испытывая нужду, подчасъ, въ пропитаніи и въ веденскій округъ, какъ мы увидимъ дальше, больше не появлялся.

По истеченіи нѣсколькихъ дней, послѣ объясненной перестрѣлки, я постарался повидаться съ женой Мѣсяцева и просилъ дать мнѣ знать, когда прибудетъ къ ней посланный отъ Зелимхана за полученіемъ выкупа, т. к. у меня былъ подготовленъ планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Она выслушала и отвѣтила, что ей подобнаго рода предложеніе сдѣлалъ и ее начальникъ округа пол-

ковникъ Котляревскій. Черезъ недѣлю я узналъ объ освобожденіи Мѣсяцева за 30 тысячъ рублей.

По мѣрѣ роста въ Чечнѣ омерзенія къ Зелимхану, послѣ перестрѣлки 31 августа, съ незначительной по численности командой, гдѣ онъ показалъ себя въ глазахъ чеченцевъ трусомъ, дѣйствующимъ лишь изъ за скалы, гдѣ онъ не сумѣлъ умереть, а бѣжалъ, оставивъ оружіе и трупы отца, брата и товарищей, во мнѣніи городского общества Зелимханъ сталъ пріобрѣтать широкую извѣстность, въ особенности, съ позволенія сказать, въ мнѣніи, такъ называемой «гнилой интеллигенціи».

Фантазерами говорилось очень много небылицъ, а писаки тоже писали въ разныхъ газетахъ не меньше, наполняя страницы уличной болтовней. Въ городахъ области царила паника, подъ вліяніемъ разныхъ слуховъ, распространявшихся губошлепами, но больше губошлепками, а хулиганы, для усиленія паники, подбрасывали разнымъ лицамъ вымогательныя письма за подписями: «Зелимханъ». Пользуясь такимъ настроеніемъ городскихъ массъ, ингуши во Владикавказѣ совершили безнаказанно нѣсколько разбойныхъ нападеній на ювелирные магазины, приписавъ это Зелимхану. Въ городахъ Владикавказѣ и Грозномъ любителями болтовни распускались всевозможные нелѣпые слухи о предстоящихъ, якобы, плѣненіяхъ Зелимханомъ того или иного лица и даже самого начальника области.

Обстановка требовала солидарныхъ, крѣпко спаянныхъ взаимодѣйствій административныхъ властей области, но вмѣсто этого между начальниками округовъ Назрановскаго (подполковникъ Черновъ), Веденскаго (подполковн. Дудниковъ), Грозненскаго (полковникъ Стрижовъ) и атаманомъ Кизлярскаго отдѣла (Войско-

вой старшина Вербицкій) существовала на почвѣ поимки или ликвидаціи Зелимхана, ужасная вражда. Каждый изъ нихъ въ отдѣльности хотѣлъ изловить Зелимхана и создать себѣ карьеру. Всѣ они, каждый по своему, писали пространные доклады начальнику области, обвиняя другъ друга въ томъ, что Зелимханъ тогда то былъ въ такомъ то округѣ, жилъ нѣсколько дней въ такомъ то аулѣ и начальникъ округа, зная это, не принялъ мѣръ. Отвѣчающій на таковой запросъ начальникъ округа, въ свою очередь, увѣрялъ Начальника Области съ указаніемъ той же даты, что Зелимханъ былъ не въ его округѣ, а въ округѣ доносящаго, такъ что изъ этихъ докладовъ получалась такая рутина, что никакая михѣевская мудрость не могла ее распутать. Такія взаимоотношенія между администраціей были только въ пользу Зелимхана.

Въ этомъ спортивномъ состязаніи особенно ярко выразился Вербицкій, который убѣждалъ Михѣева въ томъ, что начальники округовъ ему мѣшаютъ и что, тѣмъ не менѣе, онъ отрубитъ себѣ правую руку, если не изловитъ Зелимхана, при этомъ просилъ убрать начальниковъ грозненскаго и Веденскаго округовъ и назначить по его усмотрѣнію, а его назначить вр. генералъ-губернаторомъ надъ этими округами. Чего захотѣлъ Кирилка! Михѣевъ ему отвѣтилъ довольно толково: «мы живемъ въ Россійской Имперіи, а не на островѣ Гонолулу».

Совершенно незаконно Вербицкій посылалъ (правда съ вѣдома Михѣева) по округамъ, небольшія розыскныя казачьи команды, во главѣ съ молодыми офицерами, которые, конечно, безъ помощи мѣстныхъ жителей, не зная даже дорогъ, ничего сдѣлать не могли и никогда ничего не сдѣлали. Вѣдь это былъ абсурдъ изъ абсур-

довъ, чтобы не сказать больше. Среди бѣла дня во дворъ моей ставки въѣхала казачья команда до 30 человѣкъ, во главѣ съ хорунжимъ Яицкимъ. «Въ чемъ дѣло?», спрашиваю. «Да вотъ я разъѣзжаю по горамъ, разыскиваю Зелимхана. Можетъ у Васъ есть какія нибудь объ немъ свѣдѣнія?», отвѣтилъ мнѣ хорунжій. «Чудакъ вы, а не хорунжій», былъ мой отвѣтъ. «Вы, какъ будто, какого то кума Макара разыскиваете среди бѣла дня съ командой, а вопросъ вашъ смѣшной. Да развѣ вы нужны мнѣ, если бы я зналъ, гдѣ Зелимханъ», пояснилъ ему я. Убѣдивъ его, что такъ абрековъ не разыскиваютъ, а только мучаютъ себя и лошадей, напоилъ, накормилъ ихъ, далъ имъ проводника и пожелалъ счастливаго пути и поимку Зелимхана.

Въ концѣ концовъ, Вербицкій дошелъ до такой дикости, что въ газетѣ «Терекъ» помѣстилъ открытое письмо Зелимхану, наполненное до неприличности всевозможными эпитетами, вызывая его на единоборство. Письмо это въ различныхъ кругахъ вызвало бурю негодованій и въ особенности въ офицерской средѣ. Въ отвѣтъ на это Зелимханъ изъ разныхъ обормотовъ составилъ шайку до 30 человѣкъ и, пройдя стоверстное пространство по ввѣренному Вербицкому отдѣлу, среди бѣла дня, вошелъ въ гор. Кизляръ, который ему былъ подчиненъ, и разгромилъ государственное казначейство, убивъ несчастнаго казначея, господина Копытко, не сдавшаго ключи отъ кладовой казначейства (Зелимханъ забралъ лишь наличную кассу 4886 р.), и безнаказанно скрылся, оставивъ въ казначействѣ атаману отдѣла Вербицкому письмо на арабскомъ языкѣ и тоже наполненное лестными эпитетами, съ добавленіемъ въ концѣ: «не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи ....».

Нападеніе это было произведено въ то самое время, когда воинскія команды Вербицкаго разъѣзжали по Чечнѣ, «по пятамъ Зелимхана» и когда Вербицкій доносилъ начальнику области о томъ, что Зелимханъ въ раіонѣ гор. Владикавказа собираетъ шайку изъ ингушей, какъ это ему извѣстно по агентурнымъ даннымъ, точно имъ провѣреннымъ, для нападенія на Владикавказъ. Читатель! Отъ Владикавказа до Кизляра 300 верстъ и желѣзной дороги тогда не было. День нападенія на Кизляръ совпалъ съ датой донесенія Вербицкаго. Вотъ на этомъ то крючкѣ онъ и повѣсился.

Штабомъ кавказскаго военнаго округа Вербицкій, а съ нимъ его помощникъ есаулъ Аверинъ и приставъ гор. Кизляра сотникъ Варіевъ, были удалены отъ должностей съ преданіемъ ихъ суду Тифлисской Судебной Палаты за преступное бездѣйствіе.

Начальникъ Веденскаго округа подполковникъ Дудиковъ былъ переведенъ въ Закавказье, начальникъ Назрановскаго округа подполковникъ Черновъ былъ устраненъ отъ должности съ причисленіемъ къ штабу округа, а начальникъ Хасавъ-Юртовскаго округа полковникъ Котляревскій, «изобличенный» въ покровительствѣ Зелимхану, покончилъ жизнь самоубійствомъ. Я не хочу грѣшить и относительно покровительства Котляревскаго ничего не могу сказать. Допускаю, что онъ былъ оговоренъ. Дѣло до судебнаго слѣдствія не доходило.

Послѣ этой чистки Намѣстникомъ Кавказа были назначены молодые ротмистры и капитаны гвардіи. Люди, правда, съ честными задатками, но совершенно неопытные въ дѣлахъ управленія народомъ и борьбы съ уголовною преступностью и незнакомые съ характеромъ населенія.

Гибель Зелимхана.

Въ 1910 году (въ іюнѣ) Терская область была объявлена на положеніи чрезвычайно усиленной охраны. Въ область былъ введенъ Дагестанскій конно-иррегулярный полкъ, которымъ командовалъ доблестный полковникъ Марганія. Полкъ былъ размѣщенъ въ двухъ чеченскихъ и ингушетскомъ округахъ. Прибытіе этого славнаго полка въ область нельзя было не привѣтствовать, но жаль, что часть эта была прислана съ узкими заданіями: «для оказанія гражданскимъ властямъ содѣйствія».

Благодаря неопытности нѣкоторыхъ начальниковъ округовъ (новыхъ), часть эта сильно пострадала. Трупъ Зелимхана дорогой цѣной достался славнымъ дагестанцамъ. Съ появленіемъ этого полка Зелимханъ остался одинъ. Разные отбросы, участвовавшіе съ нимъ въ налетахъ, покинули его и предпочли мирный трудъ. Новый составъ начальниковъ округовъ работалъ, правда, согласованно, но придерживался старой системы (довѣріе любительской агентурѣ и нажимъ на населеніе), благодаря чему части полка трепались нещадно въ безтолковой погонѣ за Зелимханомъ, бродившимъ по горамъ, какъ голодный волкъ. Въ горахъ Ингушетіи, въ малодоступной мѣстности, скрывалась жена Зелимхана съ сыномъ. Семья эта никакой матеріальной помощи отъ Зелимхана не получала и пользовалась гостепріимствомъ ингушей, ибо Зелимханъ съ 1909 г., послѣ разгрома Кизлярскаго казначейства, не имѣя соучастниковъ, никакихъ налетовъ не совершилъ до самой смерти и самъ испытывалъ большую нужду. Начальникъ Назрановскаго округа, пылкій ротмистръ князь Андрониковъ,

рѣшилъ арестовать семью Зелимхана и сослать ее въ центръ Россіи. Съ полусотней дагестанцевъ Андрониковъ, достигнувъ скалистыхъ высотъ, арестовалъ семью Зелимхана. На возвратномъ пути во Владикавказъ отряду нужно было въ узкомъ Ассиновскомъ ущельи, между неприступныхъ скалистыхъ высотъ, переѣзжать въ нѣсколькихъ мѣстахъ рѣку Ассу. Описать эту дикую горную мѣстность трудно, но скажу, что одинъ хорошо вооруженный человѣкъ легко можетъ остановить переправляющійся чѣрезъ извилины Ассы цѣлый полкъ. Зелимханъ, слѣдившій за дѣйствіями Андроникова, засѣлъ на недоступной обстрѣлу скалѣ и поджидалъ свои жертвы. Жена Зелимхана умоляла Андроникова измѣнить этотъ маршрутъ и ѣхать кружнымъ путемъ, въ объѣздъ горной полосы, увѣряя его, что мужъ ея, въ послѣднее время, чувствуя приближеніе своей гибели, впалъ въ состояніе злобы и отчаянія и что онъ можетъ засѣсть на скалахъ и перестрѣлять всѣхъ. Она опасалась за жизнь своего сына, но Андрониковъ не повѣрилъ ей.

Какъ только полусотня вошла въ роковое ущелье и конвоиры съ семьей Зелимхана проѣхали нѣсколько колѣнъ Ассы, раздался выстрѣлъ и Андроникова не стало. Послѣ этого Зелимханъ открылъ учащенный огонь по полусотнѣ.

Храбрые лезгины мужественно отстрѣливались, но безполезно. Пули съ визгомъ отскакивали отъ скалъ и, хлюпая, падали въ воду. Обойти мѣсто засады было невозможно — на это потребовалось бы не менѣе двухъ часовъ, а то и больше, подъ огнемъ Зелимхана. Лихіе дагестанцы готовы были зубами прогрызть эти скалистые заслоны, но были безсильны. Пренебрегая опасностью, они, соскочивъ съ коней, какъ кошки, карабкались

по отвѣснымъ скаламъ къ мѣсту засады, но увы! достигнуть орлиныхъ высотъ, подъ огнемъ, было немыслимо и взводъ героевъ дагестанцевъ приняла на лоно водъ своихъ холодныхъ Асса. Зелимханъ же канулъ въ сѣдомъ туманѣ подоблачныхъ скалъ.

Семья его была заключена въ Владикавказскую тюрьму и впослѣдствіи была выслана въ Орловскую губернію, подъ надзоръ тамошней полиціи.

Съ момента ассиновскаго ужаса, дагестанцы самымъ интенсивнымъ образомъ стали искать Зелимхана и не какъ абрека, а какъ своего кровника, омрачившаго прославленное знамя полка.

Зелимханъ былъ вполнѣ увѣренъ, что дагестанцы на его костяхъ справятъ тризну, а потому, отдавшись въ руки фатальной судьбы, объектомъ своихъ злодѣяній сдѣлалъ дагестанцевъ. «Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ», сказалъ онъ. И на самомъ дѣлѣ — дѣваться ему было некуда. Не владѣя никакимъ языкомъ, кромѣ чеченскаго, онъ не могъ даже скрыться въ Россіи, да и средствъ у него не было, для просуществованія. Напрасно областное начальство думало, что Зелимханъ поѣдетъ въ мѣсто ссылки его семьи, въ Россію, и тамъ онъ будетъ задержанъ или убитъ.

Такая наивность и загубила ротмистра Андроникова на зарѣ красивой молодости.

Въ 1910 году помощникъ намѣстника кавказскаго генералъ Шатиловъ, на возвратномъ пути изъ Петербурга, рѣшилъ проѣхать по живописной дорогѣ Ведено, Керкетскій перевалъ, Ботлихъ, Тифлисъ. Для охраны и конвоированія генерала была назначена сотня Дагестанцевъ, во главѣ съ командиромъ сотни штабсъ-ротмистромъ Долидзе. Зелимханъ пронюхалъ объ этомъ и

поспѣшилъ занять на Керкетскихъ высотахъ «удобное» мѣстечко. Онъ былъ со своимъ племянникомъ Магома 16 лѣтъ. Проконвоировавъ Шатилова, дагестанцы безпечно, съ пѣснями возвращались въ Ведено, имѣя впереди своего командира Долидзе. Неожиданно, со скалъ раздались выстрѣлы и Долидзе, закачавшись на своемъ ретивомъ конѣ, мгновенно отдалъ Богу душу.

Произошла та же картина, что и въ ассиновскомъ ущельи. Несмотря на геройство сотни, шесть молодцовъ легли на Керкетской высотѣ, а Зелимханъ, конечно, скрылся «въ морѣ сѣрыхъ скалъ». Послѣ этого, полковникомъ Марганія была образована особая летучая команда изъ дагестанцевъ, кровниковъ Зелимхана, во главѣ которой сталъ поручикъ того же полка, Астемиръ Кибировъ (казакъ изъ осетинъ войска Терскаго. Впослѣдствіи полковникъ, выдающійся борецъ противъ большевиковъ).

Я уже пояснилъ выше, что Зелимханъ, наживъ въ Чечнѣ кровниковъ, потерялъ всякое значеніе среди молодежи-вольнодумцевъ и лишился возможности группировать возлѣ себя шайку и, оставшись одинъ, какъ бродячій волкъ, скитался по всей Терской и Дагестанской областямъ. Постоянной шайки, у Зелимхана не было. Она собиралась изъ преступнаго элемента, по мѣрѣ назрѣванія надобности въ налетѣ и потомъ шайка расплывалась по своимъ ауламъ.

Осенью 1911 года Зелимханъ серьезно заболѣлъ Дотащивъ свои ноги до Шалинскаго хуторка, находившагося въ дремучемъ лѣсу, въ 10 верстахъ отъ большого плоскостного аула Шали, онъ слегъ въ землянкѣ надолго. Судя по объясненію хозяина землянки, у него было что то вродѣ тифа.

Гостепріимный хозяинъ не зналъ своего гостя и лишь черезъ нѣсколько дней, по нѣкоторымъ признакамъ, онъ понялъ, что кормитъ змія.

Это совпало съ пребываніемъ летучей команды Кибирова въ аулѣ Шали, которому и было дано знать о пребыванія Зелимхана въ землянкѣ Шалинскаго хуторка. Оцѣпивъ землянку, Кибировъ приказалъ Зелимхану сдаться. Несмотря на тяжелую болѣзнь, Зелимханъ изъ окошка произвелъ три предсмертныхъ выстрѣла и ранилъ Кибирова. Отвѣтный залпъ дагестанцевъ положилъ конецъ существованію Зелимхана и его звѣрствамъ.

Вся здравомыслящая Чечня, прослышавъ о гибели Зелимхана, ликовала, а Кибирову съ шумными оваціями былъ поднесенъ отъ Чечни цѣнный подарокъ.

Конецъ.

P. S. Съ возникновеніемъ европейской войны, Чечня, по зову Императора, сформировала изъ лучшихъ своихъ наѣздниковъ конный полкъ, которымъ командовалъ доблестный полковникъ князь Святополкъ-Мирскій, павшій смертью храбрыхъ въ Карпатахъ. Полкъ этотъ входилъ въ составъ кавказской дивизіи, которой командовалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

С. Бердяевъ.

Imp. « PASCAL »
13, r. Pascal. Paris.